# ЮРИДИЧЕСКІЯ

# ИЗСЛѢДОВАНІЯ

относительно

# ТОРГОВАГО БЫТА ОДЕССЫ,

сочиненіе

*Д. Мейера.*

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1855.

# ЮРИДИЧЕСКІЯ
# ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОТНОСИТЕЛЬНО

## ТОРГОВАГО БЫТА ОДЕССЫ,

СОЧИНЕНІЕ

*Д. Мейера.*

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1855.

**Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 г. Октября 9 дня.**

*Ценсоръ М. Похвисневъ.*

---

**Въ типографіи университета.**

# ЮРИДИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОТНОСИТЕЛЬНО

# ТОРГОВАГО БЫТА ОДЕССЫ.

Одесская торговля ведется правильно и однообразно и главное мѣсто занимаютъ въ ней не многія статьи отпуска за границу, которыя не выходятъ однакожь изъ умѣренныхъ размѣровъ; торговыя сдѣлки по большей части простыя, безъ утонченной искуственности, и сводятся къ незначительному числу видовъ. Юристъ-наблюдатель не рискуетъ здѣсь потеряться въ необъятномъ разнообразіи запутанныхъ торговыхъ дѣлъ, въ сложныхъ биржевыхъ договорахъ; ему есть возможность услѣдить юридическія явленія торговаго быта, уловить происхожденіе въ немъ правъ, ходъ ихъ осуществленія, отчужденія и самое прекращеніе правъ; быстрота явленій не чрезмѣрна, наплывъ ихъ не громадный какъ въ мѣстахъ торговли всемірной; вмѣстѣ же съ тѣмъ эти явленія происходятъ правильно, уклоненія отъ правила конечно встрѣчаются, но они именно уклоненіями и признаются, и, что̀ для юриста главное, торговля производится въ кругу чисто-юридическихъ понятій, а не «*по душѣ*», т. е. при хаотическомъ смѣшеніи понятій юридическихъ, нравственныхъ и патріархальныхъ, какъ ведутся торги во многихъ другихъ мѣстахъ нашего отечества.

Торговое значеніе Одессы высказывается путешественнику при самомъ приближеніи къ ней, даже съ сухопутной стороны: то

онъ обгоняетъ ряды фуръ съ впряженными волами, нагруженныя мѣшками пшеницы и другихъ злаковъ, то попадаются ему на встрѣчу такія же фуры съ опростанными мѣшками, и гораздо рѣже приводится ему наѣзжать на встрѣчные обозы съ товарами. Соображая населеніе города путешественникъ приходитъ къ заключенію, что конечно меньшая часть доставляемыхъ туда произведеній находитъ себѣ потребителей на мѣстѣ и что вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не весь сбываемый за границу товаръ вымѣнивается на товаръ же. Точно также и видъ города, и уличная дѣятельность его характеризуютъ наглядно Одесскую торговлю. Повсюду настроены магазины для помѣщенія хлѣбовъ, преимущественно пшеницы. Множество этихъ магазиновъ не было-бы соразмѣрно съ привозимымъ въ Одессу количествомъ хлѣба, если-бы онъ постоянно находилъ себѣ скорый сбытъ и отпускъ за границу, если-бы не приходилось хозяевамъ складывать пшеницу иногда на довольно значительное время въ выжиданіи спроса. Передъ магазинами вѣчная суета: то принимается хлѣбъ, то отпускается, то разсыпаютъ его на улицѣ, сушатъ, провѣтриваютъ, мѣрятъ. Въ городѣ то и дѣло встрѣчаются длинные ряды хлѣбныхъ возовъ, не внимательно заграждающихъ дорогу другимъ экипажамъ, которые терпѣливо и почтительно выжидаютъ возможность продолжать путь. «*Одесса пшеницею управляется*», говоритъ тамъ народъ и охотно отдаетъ ей почетъ.

На нѣкоторыхъ улицахъ поражаетъ большое число маклерскихъ вывѣсокъ — биржевыхъ, городскихъ и рыночныхъ маклеровъ. При посредствѣ послѣднихъ спекуляторы скупаютъ привозимые поселянами на базары пшеницу и другіе хлѣба, складываютъ ихъ въ магазинахъ, гдѣ скопляютъ такимъ образомъ большія партіи. Множество городскихъ маклеровъ указываетъ на значительное развитіе письменной формы для совершенія договоровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаетъ пріѣзжему наблюдателю нѣкоторую значительность успѣховъ въ образованіи Одесскаго юридическаго быта. Большая часть этихъ договоровъ впрочемъ также касается главнѣйшаго предмета отпускной торговли Одессы — пшеницы: заключаются акты о покупкѣ или о поставкѣ пшеницы, совершается запродажа ея, или нанимаются подъ нее магазины, или договариваются о провозѣ съ одного мѣста на другое[1]). Наконецъ замѣчательное по

---

[1]) Вниманія заслуживаютъ конторы маклеровъ хлѣбной торговли. Онѣ съ виду походятъ на лавки: по стѣнамъ сдѣланы полки, на которыхъ разставлены нумерованныя въ разбивку деревянныя миски. Въ нихъ содержатся для показа пробы зернового

изяществу зданіе биржи, вмѣщающее также Коммерческій Судъ, служитъ юристу наружнымъ указаніемъ на раціональность здѣшней торговли и заставляетъ ожидать, что она болѣе или менѣе сознательно сводится къ опредѣленнымъ юридическимъ отношеніямъ. Важное значеніе, которое правительство придаетъ учрежденію Коммерческихъ Судовъ, и самый составъ ихъ, основанный исключительно на производимомъ самимъ купечествомъ избраніи и допускающій перевѣсъ купеческихъ голосовъ надъ мнѣніемъ членовъ не купцовъ, указываютъ на значительность юридическаго развитія того торговаго общества, для котораго Коммерческій Судъ существуетъ.

I. Стóитъ по-этому разсмотрѣть юридическую сторону хода торговыхъ дѣлъ, производящихся въ Одессѣ; при чемъ нельзя не

---

хлѣба, продающагося при посредствѣ маклера. Въ конторѣ есть книга, въ которой за нумерами, совпадающими съ нумерами мисокъ, значатся условія и вообще всѣ обстоятельства, относящіяся до продажи каждаго хлѣба, образчикъ котораго хранится въ соотвѣтственной мискѣ. По пробамъ покупщикъ подбираетъ нужные ему сорты хлѣба, опредѣляетъ при помощи особеннаго устройства мѣдныхъ вѣсовъ достоинство сортовъ относительно тяжести. Вѣсы состоятъ изъ чашки, сдѣланной въ видѣ ведерца, подпорки и рычага. Въ ведерцо всыпается проба до верху, (для устраненія же произвола въ сыпкѣ, которая можетъ быть болѣе и мѣнѣе плотная, она производится съ извѣстной высоты сквозь воронку), за тѣмъ верхъ сгребается и установляется равновѣсіе между рычагомъ и привѣшеннымъ къ нему ведерцемъ. Понятно, что такимъ образомъ можетъ быть выведенъ вѣсъ хлѣба въ ведерцѣ. Но какъ за ранѣе разсчитано отношеніе его емкости къ емкости четверти, и какъ достоинство хлѣба обыкновенно опредѣляется вѣсомъ четверти его, то вмѣсто того, чтобы показать вѣсъ пробы, помѣщающейся въ ведерцѣ, прямо сводится онъ къ вѣсу четверти того хлѣба, для чего и служитъ нарѣзанная на рычагѣ линейка, изображащая пуды и фунты, начиная съ наименьшаго вѣса четверти хлѣба и доходя до наибольшаго. На образчикахъ же составляются смѣшанные сорты. Маклеръ отвѣчаетъ за совершенное сходство проданнаго при его посредствѣ хлѣба съ образчикомъ, съ исключеніемъ однакожь различія, производимаго физическими вліяніями безъ всякаго участія и умысла со стороны маклера. Напр. маклеръ не подлежитъ отвѣтственности, если окажется, что проба отъ нахожденія въ мискѣ нѣсколько суше хлѣба, отъ котораго она взята.

имѣть въ виду, что главнымъ образомъ они вращаются около отпуска за границу пшеницы. Я обратилъ преимущественно вниманіе на эту особенность тамошней торговли и теперь прежде всего представлю именно сюда относящіеся результаты моихъ занятій. Одесское купечество ведетъ большею частію коммиссіонную отпускную торговлю. Помѣщикъ, положимъ, у котораго нѣсколько тысячъ четвертей пшеницы, предоставляетъ какому-либо торговому дому продать ихъ. Торговый домъ тутъ коммиссіонеръ помѣщика, но производитъ конечно продажу самостоятельно, какъ-бы пшеница принадлежала ему, разумѣется, съ соблюденіемъ постановленныхъ между нимъ и помѣщикомъ условій относительно цѣны, платежей и пр. Помѣщику коммитенту тутъ дѣла нѣтъ до того, кому и какъ коммиссіонеръ производитъ продажу: едва-ли даже коммитентъ имѣетъ право требовать свѣдѣній объ этомъ; но издержки, сопряженныя съ продажею, падаютъ на коммитента, напр. за храненіе хлѣба въ магазинѣ (магазинажъ), за нагрузку и т. д. Обыкновенно коммиссіонеръ немедленно по принятіи пшеницы выдаетъ коммитенту часть той суммы, которая будетъ слѣдовать ему по продажѣ, дѣлаетъ авансъ. Выдача эта замѣчательна въ юридическомъ отношеніи—она не покупная цѣна хлѣба, ни задатокъ: такъ-какъ нѣтъ покамѣстъ продажи, то о нихъ не можетъ быть рѣчи, а выдача представляется лишь условіемъ коммиссіи. Случается однако же, что при самой коммиссіи не полагается условіе объ авансѣ и что все-таки въ послѣдствіи коммиссіонеръ дѣлаетъ его коммиттенту: тогда авансъ очень близко подходитъ къ займу съ тою только разницею, что не имѣется въ виду особый платежъ со стороны коммиттента коммиссіонеру, а разсчетъ дѣлается посредствомъ слѣдующей коммиттенту за продажу хлѣба суммы, и не полагается роста, обыкновенной принадлежности займа. Но въ Одессѣ при такомъ авансѣ не помышляютъ вовсе о займѣ и такъ-какъ заемъ есть договоръ, предполагающій, какъ всякій другой договоръ, согласіе контрагентовъ на его заключеніе, то нельзя сводить юридическое отношеніе къ займу, когда оно не представляется таковымъ сознанію прикосновенныхъ лицъ и нѣтъ ихъ воли заключить заемъ. Согласно существующему въ Одессѣ воззрѣнію только и можно допустить, что при коммиссіи, заключаемой тамъ безъ условія объ авансѣ, подразумѣвается условіе, что авансъ зависитъ отъ усмотрѣнія коммиссіонера. И такъ во всякомъ случаѣ авансъ есть слѣдствіе коммиссіи: выговоренный зарапѣе, онъ составляетъ право коммиттента, а безъ уговора коммиссіонеръ въ правѣ дать авансъ и не дать его. Въ случаѣ если не состоится продажа консигнированнаго товара, коммиттентъ обязанъ конечно возвратить авансъ и

самый хлѣбъ признаетъ на такой случай обезпеченіемъ для коммиссіонера, который считаетъ себя въ правѣ добыть удовлетвореніе посредствомъ разсчета за хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ или выручкою изъ публичной продажи хлѣба, при участіи надлежащаго присутственнаго мѣста. Но какъ обезпеченіе это не составляетъ законнаго залога, по крайней мѣрѣ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, то въ случаѣ несостоятельности коммиттента, выручка изъ публичной продажи бывшаго въ консигнаціи хлѣба идетъ въ конкурсную массу, коммиссіонеръ же получаетъ удовлетвореніе, смотря по обстоятельствамъ, отнюдь не имѣя права на преимущественное удовлетвореніе сполна. Коммиссіонеръ поэтому предпочтетъ обойтись безъ ходатайства о публичной продажѣ хлѣба, въ особенности при сомнѣніи на счетъ состоятельности коммиттента, хотя впрочемъ, при несостоятельности сего послѣдняго, кредиторы все-таки могли бы требовать, чтобъ коммиссіонеръ самовольно не удовлетворялъ себя имуществомъ должниковымъ, а представилъ бы его въ вѣденіе Конкурса. Въ случаѣ несостоятельности коммиттента коммиссіонеръ, кажется, никакимъ образомъ не въ правѣ требовать, чтобы кредиторы предоставили ему, подобно какъ залогопринимателю, получить удовлетвореніе сполна изъ довѣреннаго ему хлѣба именно потому, что коммиссіонеръ не есть залогоприниматель. И такъ смыслъ представляемаго хлѣбомъ обезпеченія ограничивается одними отношеніями коммиссіонера къ коммиттенту, не касаясь кредиторовъ сего послѣдняго: значитъ, при замедленіи въ обратномъ платежѣ аванса, коммиссіонеръ удовлетворяется обезпечивающимъ его хлѣбомъ и въ случаѣ несостоятельности коммиттента онъ самъ не можетъ требовать, чтобъ хлѣбъ весь шелъ въ массу.

Обезпечиваемый товаромъ авансъ самъ обезпечиваетъ коммиссіонеру нѣкоторыя выгоды: обыкновенно коммиттентъ не разсчитываетъ на случай возвращенія аванса и затрудняется возвращеніемъ, въ особенности коммиттентъ-производитель, рѣдко имѣющій въ запасѣ значительные куши наличныхъ денегъ. Получая по этому извѣщеніе отъ коммиссіонера, что хлѣбъ не можетъ быть проданъ на условіяхъ, постановленныхъ при коммиссіи, коммиттентъ, которому предстоитъ выборъ между возвращеніемъ аванса и измѣненіемъ условій согласно предложенію коммиссіонера, по необходимости соглашается на послѣднее, и операція торговая принимаетъ уже другой видъ, не рѣдко совершенно отличный отъ первоначальнаго соглашенія между контрагентами.

За границу отпускается пшеница также по коммиссіи иностраннаго торговаго дома, поручающаго Одесскому купцу купить извѣстное количество, и коммиссіонеръ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ

также совершенно самостоятельно. Понятно, что коммиссія эта можетъ достаться какъ лицу, у котораго есть на порученіи продажа пшеницы, такъ и лицу, не имѣющему такого порученія. Если въ первомъ случаѣ коммиссіонеръ высылаетъ иностранному купцу пшеницу изъ запаса, полученнаго отъ мѣстнаго коммиттента, то коммиссія не исполняется собственно покупкою: нельзя же допустить, что коммиссіонеръ самъ себѣ продаетъ пшеницу и нѣтъ также купли-продажи между коммиссіонеромъ и иностраннымъ коммиттентомъ, ни между мѣстнымъ коммиттентомъ и иностраннымъ, между которыми не возникаютъ никакія юридическія отношенія вслѣдствіе поставки пшеницы иностранному коммиттенту отъ коммиссіонера, ибо, какъ мы видѣли, коммиссіонеръ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, чѣмъ и отличается отъ повѣреннаго, самъ продаетъ, самъ покупаетъ, а не представляетъ только лицо коммиттента; коммиттенты остаются слѣдовательно совершенно чуждыми одинъ другому; коммиссіонеръ же, будучи таковымъ для иностраннаго коммиттента, высказывающаго коммиссіею волю не быть самому лично покупщикомъ, не можетъ въ тоже время и относительно того же предмета быть продавцемъ. Такимъ образомъ въ предполагаемомъ мною случаѣ нѣтъ мѣста куплѣ-продажѣ, и юридическія отношенія между коммиссіонеромъ и коммиттентами здѣсь опредѣляются отъ нея независимо. Коммиссія собственно потому влечетъ за собою обязательство продать или купить, что въ обыкновенномъ ходѣ вещей коммиссіонеру приходится продать или купить товаръ, чтобы доставить одному коммиттенту деньги, другому требуемый товаръ, но существенно только обязательство доставить требуемое коммиттенту. Обязательство же это можетъ быть выполнено коммиссіонеромъ и безъ купли-продажи. Точно также, наприм., какъ онъ даетъ авансъ коммиттенту, онъ можетъ найти для себя выгоднымъ немедленно выдать ему и всю сумму, которая будетъ слѣдовать за товаръ. Поэтому, имѣя на коммиссіи хлѣбъ и получая коммиссію купить, коммиссіонеръ можетъ, безъ всякаго отступленія отъ своихъ обязательствъ, хлѣбъ этотъ употребить на удовлетвореніе новаго коммиттента, если не нарушаетъ онъ этимъ только другихъ условій коммиссіи. И такъ коммиссія купить, продать имѣетъ только тотъ смыслъ, что на коммиссіонера налагается обязательство купить, продать, когда онъ иначе не доставляетъ коммиттенту, не хочетъ или не можетъ доставить требуемаго товара или денегъ. И даже нельзя считать коммиссіонера обязаннымъ давать отчетъ коммиттенту въ принятыхъ для доставленія требуемаго мѣрахъ: надлежащею доставкою прекращаются всѣ обязательства коммиссіонера. Ясное представленіе о существѣ коммиссіи имѣетъ важное практи-

ческое значеніе, между прочимъ потому, что она, какъ извѣстно, порождаетъ право на вознагражденіе. Кто полагаетъ сущность коммиссіи въ куплѣ-продажѣ, тотъ тогда только и признаетъ за коммиссіонеромъ это право, когда онъ дѣйствительно совершилъ ее въ исполненіе коммиссіи. Такъ случается не рѣдко въ Одессѣ, что иной коммиттентъ, въ особенности изъ класса производителей, обвиняетъ коммиссіонера въ недобросовѣстности за то, что онъ, получивъ на коммиссію хлѣбъ и оставивъ оный за собою, все-таки вноситъ въ расчетъ коммиссіонные %, тогда какъ съ точки зрѣнія юридической тутъ нѣтъ никакой недобросовѣстности.

Впрочемъ Одесскіе купцы получаютъ по большой части коммиссіи на покупку съ условіемъ, чтобы они сами на извѣстную долю были заинтерессованы въ возлагаемомъ на нихъ торговомъ оборотѣ. Въ юридическомъ отношеніи это условіе допускаетъ различные виды. Можно себѣ представить, что коммиссіонеръ, покупающій, положимъ, для заграничнаго коммиттента 1000 четв. пшеницы, обязывается вмѣстѣ съ тѣмъ купить еще 100 четв. на свой счетъ, послать ихъ коммиттенту своему и предоставить ему въ качествѣ коммиссіонера произвести продажу. Въ такомъ случаѣ юридическая сдѣлка по предмету 1000 четвертей должна быть строго отдѣлена отъ сдѣлки о 100 четвертяхъ, и каждая обсуживается отдѣльно. Или коммиссіонеръ обязывается вступить съ коммиттентомъ въ сотоварищество для покупки въ Одессѣ и продажи за границею 1000 четв. пшеницы, въ составъ которыхъ входитъ 1000 четв. на счетъ иностраннаго коммиттента, и 100 четвертей, вносимыхъ Одесскимъ купцомъ, съ раздѣленіемъ издержекъ, выгодъ и убытковъ по соразмѣрности вкладовъ, при чемъ однакожь Одесскій компаніонъ вноситъ въ разсчетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее коммиссіоннымъ % на купленныя на долю иностраннаго товарища 1000 четв., предоставляя сему послѣднему сдѣлать при продажѣ тоже относительно 100 четв. Понятно, что если Одесскому купцу слѣдуетъ вознагражденіе за коммиссію, оно будетъ слѣдовать ему и въ случаѣ товарищества; ибо труды въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы, товарищество же опредѣляетъ выгоды участникамъ лишь по соразмѣрности вкладовъ вещественныхъ. Но тутъ спрашивается, почему же не распредѣляются выгоды по соразмѣрности вкладовъ и трудовъ и къ чему въ товарищество вноситъ условіе о вознагражденіи, заимствованное изъ коммиссіонныхъ отношеній. Но это можно замѣтить, что вообще въ промышленныхъ дѣлахъ выгоды разсчитываются въ отношеніи къ капиталу, а не къ труду и что разсматриваемое мною товарищество есть не болѣе какъ мѣра, служащая иностранному торговцу въ извѣстной степени ручательствомъ за добро-

совѣстность дѣйствій Одесскаго купца, который тутъ за одну и ту же цѣну покупаетъ пшеницу или другой товаръ какъ за свой счетъ, такъ и за счетъ товарища. Я слышалъ, что въ послѣднее время иностранцы болѣе прежняго стали искать такого ручательства.

Безъ установленія товарищества неудобно иностранному купцу удостовѣриться, въ самомъ-ли дѣлѣ Одесскій купецъ берегъ его интересъ при покупкѣ хлѣба какъ собственный, ибо только при товариществѣ покупка хлѣба составляетъ дѣло общее. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ заграничное купечество считаетъ нужнымъ при закупкѣ товара въ Одессѣ принять обезпечительныя мѣры противъ тамошнихъ агентовъ, оно прибѣгаетъ именно къ покупкѣ за общій счетъ, а не къ другимъ какимъ-либо сдѣлкамъ. Получая коммиссіи купить товаръ, Одесскій купецъ вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочивается не рѣдко на выдачу задатковъ или извѣстной части причитающихся денегъ и тогда выдача происходитъ за счетъ и рискъ коммиттента. По самой опредѣленности понятія авансъ, дозволяющей относить его и къ задатку, и къ платежу части покупной цѣны впредъ, и къ предварительнымъ выдачамъ при коммиссіи продать товаръ, Одесскіе коммиссіонеры позволяютъ себѣ употреблять предоставляемыя въ ихъ распоряженіе суммы и на выдачи мѣстнымъ коммиттентамъ, доставляющимъ для продажи хлѣбъ, на авансы слѣдовательно въ вышеизложенномъ значеніи. Но юридически этого нельзя оправдать. Съ юридической точки зрѣнія можно допустить только одно изъ двухъ: или коммиссіонеръ, принимающій на консигнацію хлѣбъ, даетъ отъ себя авансъ, на распоряженіе которымъ онъ имѣетъ право; но онъ не въ правѣ дать такое назначеніе деньгамъ иностраннаго коммиттента, которыя должны непосредственно идти на пріобрѣтеніе ему хлѣба, а не на операцію, не состоящую ни въ какой юридической связи съ коммиссіею, для коей предоставлено употребить деньги. Или Одесскій коммиссіонеръ беретъ хлѣбъ не на коммиссію, а покупаетъ его и даетъ за счетъ заграничнаго коммитента задатокъ. Но тутъ было-бы недобросовѣстно со стороны покупщика принять въ отношеніи къ хозяину хлѣба видъ коммиссіонера, выдать деньги какъ авансъ, производимый будто-бы собственными средствами, и засчитывать коммиссіонные %. Въ дѣйствительности конечно нерѣдко бываетъ такъ, что у одного лица нѣсколько коммиссій купить и нѣсколько коммиссій продать; по нѣкоторымъ изъ первыхъ представлено ему распоряженіе суммами, по другимъ нѣтъ; суммы же эти, поступая въ приходъ, сливаются съ капиталами коммиссіонера, изъ которыхъ онъ между прочими расходами производитъ, можетъ быть, также авансы при полученіи консигнацій. Спрашивается, есть-ли тутъ

возможность, при приливѣ и отливѣ, постоянно происходящихъ въ кассѣ, услѣдить, куда именно употреблены деньги коммиттентовъ. Еще если-бы кредитъ каждаго или нѣкоторыхъ изъ нихъ покрывалъ всю поручаемую операцію сполна, то можно-бы было допустить, что изъ сдѣлокъ коммиссіонера должна считаться покупкою, а не коммиссіею та, которая заключена именно на эту сумму. Этому бы не могло мѣшать нахожденіе такой же или большей суммы въ кассѣ на лицо, по причинѣ возможности, отсюда проистекающей, признать деньги коммитента неиздержанными, ибо предполагается, что коммиссіонеръ не оставитъ безъ движенія поручаемаго ему капитала. Но никогда почти не случается, чтобы коммиттентъ, поручая покупку, отдалъ коммиссіонеру на руки всю покупную цѣну: отдается лишь извѣстная часть покупной цѣны; считать же сдѣлку соразмѣрно этой части покупкою, въ остальномъ коммиссіею совершенно невозможно. Да и признаніе всей сдѣлки за покупку, когда она состоялась какъ коммиссія, весьма затруднительно. Уже выше мы видѣли, что значеніе сдѣлки опредѣляется прежде всего соглашеніемъ участниковъ. Припишите, если угодно, честному коммиссіонеру намѣреніе считать сдѣлку покупкою и примите за ручательство этого намѣренія добросовѣстность коммиссіонера, отсутствіе всякой утайки и фальша въ его книгахъ, все же вы не можете придать такое же намѣреніе противной сторонѣ, давшей именно коммиссію продать, а не продавшей хлѣба; да и на дѣлѣ у васъ также коммиссія, а не договоръ купли-продажи. Кромѣ того коммиссія можетъ быть сопряжена съ условіями, совершенно неудобомыслимыми при покупкѣ, такъ что первую нельзя обратить въ послѣднюю, даже если допустить, что лицо, дающее товаръ на коммиссію, вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ согласіе и продать его какому-бы то ни было покупщику. Остается только возможность считать коммиссію за покупку при опредѣленіи юридическихъ отношеній коммиттента, поручившаго покупку: такъ онъ въ правѣ требовать доставки товара, при проволочкѣ же со стороны коммиссіонера считать рискъ на немъ и т. д. Въ другихъ же случаяхъ только и можно сказать, что коммиссіонеръ нарушаетъ право коммиттента и подлежитъ за то отвѣтственности гражданскимъ порядкомъ. Впрочемъ вина сего рода открывается чрезвычайно рѣдко (случайно какъ-нибудь или по случаю несостоятельности коммиссіонера); одно что бываетъ, — это замедленіе въ доставкѣ товара, хотя безусловно оно не связано съ уклоненіемъ коммиссіонера отъ надлежащаго употребленія суммъ, предоставленныхъ отъ коммиттента: но всякая проволочка со стороны коммиссіонера, происходящая отъ поздняго исполненія коммиссіи, порождаетъ обязательство платить ростъ съ предоставленнаго коммиссіонеру капитала отъ времени пропущенія срока до исполненія.

При отправленіи товара къ заграничному коммиттенту коммиссіонеръ считаетъ себя обыкновенно въ правѣ получить половину выговоренной цѣны, съ зачетомъ уже предоставленныхъ въ его распоряженіе денегъ. И такъ если онъ доставляетъ пшеницы на 10,000 руб. и получилъ уже 1000 руб., то при отплытіи груза его онъ имѣетъ право только на 4000 руб. ($\frac{10000}{2}$ — 1000), а не 4500 руб. ($\frac{10000-1000}{2}$), ни на 5000 рублей ($\frac{10000}{2}$). Деньги эти, равно какъ и первоначальныя, коммиссіонеръ между прочимъ можетъ добыть и добываетъ, трассируя вексель на коммиттента. Но пріобрѣтенію денегъ посредствомъ тратты, хотя она и представляетъ много удобствъ, въ юридическомъ отношеніи предпочтительнѣе полученіе по римессѣ, такъ-какъ коммиссіонеръ, пускающій въ оборотъ тратту, отвѣчаетъ по ней въ случаѣ неакцептаціи или неплатежа со стороны трассата, по римессѣ же можетъ и не быть такой отвѣтственности.

Остальныя за тѣмъ деньги коммиссіонеръ получаетъ по доставки товара коммиттенту. Онъ ихъ также получаетъ вексельнымъ оборотомъ.

Въ Одессѣ бываютъ также коммиссіи купить товаръ за границею. Большая часть иностранныхъ товаровъ, продающихся въ Одесскихъ магазинахъ и отправляемыхъ внутрь Имперіи, ввозятся по коммиссіямъ, такъ-что вывозная торговля и привозная представляются коммиссіонными. Весьма немногіе домы производятъ самостоятельныя отправки грузовъ за границу и выписываютъ прямо на свой счетъ товары.

II. Обращаюсь къ торговымъ обычаямъ существующимъ въ Одессѣ. Я останавливалъ вниманіе преимущественно на обычаяхъ, представляющихъ юридическій характеръ. Изученіе ихъ сопряжено съ немалыми трудностями, такъ-какъ нерѣдко они укрываются отъ сознанія тѣхъ самыхъ людей, которые руководствуются ими въ дѣйствительности и притомъ въ такихъ именно отношеніяхъ, кои не оставляютъ замѣтнаго слѣда существованія. Въ настоящее время, при постоянномъ стремленіи законодательства опредѣлить собою весь юридическій бытъ, обычаю только и остается мѣста въ невѣдомыхъ и скрытыхъ уголкахъ сего быта, а гдѣ владычество обычая было повиднѣе, оно уже вытѣснено законодательствомъ. По большой части только столкновеніе между интересами и правами гражданъ выводитъ наружу существованіе какого-либо обычая: сторона, на немъ основывающая или имъ подкрѣпляющая право, указываетъ судьямъ на обычай, или сами суды признаютъ его въ данномъ дѣлѣ. Но этимъ путемъ обычаи становятся извѣстными случайно и только изрѣдка и безъ достаточныхъ данныхъ для совершеннаго удосто-

вѣренія, что выдаваемое за обычай юридическое понятіе содержитъ въ себѣ дѣйствительно всѣ принадлежности обычнаго права. Притомъ же, какъ извѣстно, юридическія науки не располагаютъ у насъ обращающимися и скопляемыми въ судебныхъ мѣстахъ матеріалами. Представлю здѣсь результаты производимыхъ мною изысканій.

1. Коммиссіонеръ, не уговорившись съ коммиттентомъ о вознагражденіи, имѣетъ по существующему въ Одессѣ обычаю право на 2% съ оборотнаго капитала за покупку или продажу, а на 1% за отправку или пріемъ товаровъ. Вознагражденіе это обыкновенно установляется контрагентами по договору; но и тутъ руководствуются они обычаемъ, хотя и нельзя свести тогда право коммиссіонера къ обычаю, а производится оно отъ соглашенія. Но есть случаи, что судомъ было признаваемо за коммиссіонеромъ право на означенные %%, независимо совершенно отъ договора, на основаніи одного обычая.

2. Въ отношеніи къ коммиссіи въ Одессѣ признается обычай, что какъ-скоро въ счетѣ, выданномъ за надлежащимъ подписомъ, значатся коммиссіонные %%, самая коммиссія считается принятою коммиссіонеромъ (счетоподписателемъ) и остается на его отчетѣ. Весьма рѣдко коммиссія бываетъ письменнымъ въ техническомъ смыслѣ договоромъ, хотя переговоры о ней и происходятъ на письмѣ. Большею частью она считается заключенною, какъ-скоро лицо изъявляетъ согласіе на принятіе коммиссіи. Но и согласіе не всегда изъявляется особымъ актомъ, а если лицо, по обыкновенному ходу своихъ занятій, отправляетъ коммиссіи, то достаточно, что нѣтъ отказа въ принятіи, и договоръ считается совершеннымъ, или по крайней мѣрѣ лицо, не отказавшееся отъ коммиссіи и тѣмъ заставившее ее считать принятою, отвѣчаетъ за всѣ послѣдствія отъ упущенія отказа. Мнѣ извѣстенъ случай, что Одесскій коммиссіонеръ получилъ предложеніе принять отъ иностраннаго купца для доставки по принадлежности ворсильныя шишки. Коммиссіонеръ сообщилъ въ отвѣтъ условія, на которыхъ готовъ былъ приинять товаръ, который за тѣмъ и былъ высланъ въ Одессу моремъ. Но по прибытіи шишекъ коммиссіонеръ не явился къ шкиперу для принятія, не смотря на увѣдомленіе со стороны коммиттента; шкиперъ же, не будучи ни къ кому адресованъ, сложилъ ихъ въ карантинѣ, гдѣ онѣ подверглись порчѣ и гдѣ насилу отыскалъ ихъ хозяинъ. На требованіе вознагражденія за убытки коммиссіонеръ отозвался, что имъ предложены только были условія коммиссіи, но что онъ не изъявилъ окончательнаго согласія на ея принятіе. Судъ призналъ однакожь Одесскаго купца обязаннымъ къ вознагражденію на томъ основаніи, что, объявляя себя коммиссіонеромъ по званію, онъ тѣмъ

самымъ изъявляетъ согласіе на предлагаемыя ему коммиссіи, отказываясь же долженъ бы былъ послать о томъ явственное увѣдомленіе.

Но если въ случаѣ спора со стороны коммиссіонера, не подавшаго знака согласія, коммиссія и не признается заключенною, а коммиссіонеръ несетъ только отвѣтственность за упущеніе отказа, то можно допустить, что при существованіи извѣстнаго дѣйствія, обнаруживающаго согласіе на принятіе коммиссіи, она должна считаться совершенною, и по ея началамъ долженъ быть разобранъ самый споръ между участниками. Спрашивается только, какія именно дѣйствія таковы, что высказываютъ согласіе коммиссіонера. И вотъ Одесскій торговый обычай указываетъ на включеніе коммиссіонной статьи въ счетъ, подписанный коммиссіонеромъ, какъ на такое знаменательное дѣйствіе: включена она, — коммиссія существуетъ.

3. По принятому торговому обычаю, начинающій какую-либо торговую операцію на свой капиталъ опредѣляетъ половину ожидаемаго барыша тому лицу, которое беретъ на себя обязанность привесть эту операцію въ исполненіе.

Обычай этотъ имѣетъ весьма ограниченное значеніе. Во-первыхъ, онъ предполагаетъ, что отношенія лица, исполняющаго операцію и хозяина капитала не опредѣлены какимъ-либо другимъ образомъ, и, во-вторыхъ, обычай этотъ не обязателенъ и указываетъ лишь хозяину операціи, за какое вознагражденіе онъ можетъ разсчитывать на услуги ея исполнителя. Но положимъ, что оно не было выговорено и что въ послѣдствіи возникаетъ о немъ вопросъ: трудившійся не въ правѣ на основаніи обычая требовать половины барыша.

4. По существующему въ городѣ Одессѣ торговому обычаю денежный домовый документъ, написанный на надлежащей вексельной бумагѣ, признается векселемъ, хотя-бы и не значилось въ документѣ, что онъ вексель, а были бы соблюдены только прочія законныя принадлежности векселя.

Такъ-какъ практика не поддерживаетъ различія въ ходѣ взысканій, которое установлено въ законодательствѣ между векселемъ и другимъ долговымъ обязательствомъ, то понятно, почему купечество нѣсколько небрежно въ соблюденіи предписанныхъ для векселей формъ и почему не считается, напримѣръ, существеннымъ въ Одессѣ, чтобы въ документѣ именно значилось, что онъ вексель. Но есть конечно случаи, гдѣ вексельное свойство документа получаетъ значеніе независимо отъ производства взысканія. Такъ сюда относится случай, ознакомившій меня съ разсматриваемымъ обычаемъ. Купцу d'A. . . . , данъ простой вексель купцомъ Ф., а d'A. . . .

передалъ его по бланковой надписи лицу Р., которое пропустивъ срокъ протеста, обратилось съ требованіемъ платежа къ d'A., но получило отказъ, мотивированный упущеніемъ протеста и несоотвѣтственностью документа законнымъ принадлежностямъ векселя, заключавшейся въ томъ, что въ документѣ не значилось, что онъ вексель. Возникло дѣло, которое въ первой степени Суда рѣшено въ пользу Р. по тому соображенію, что обычай признаетъ документъ векселемъ и что пропущеніемъ протеста со стороны Р, d'A, не отвергающій своей подписи на документѣ, освобождается лишь отъ взысканія по всей строгости вексельнаго права, а не отъ обязательства платить вообще. Во второй же степени Суда упущеніе протеста признано обстоятельствомъ, освобождающимъ d'A — надписателя отъ отвѣтственности. И такъ въ обѣихъ инстанціяхъ документъ признанъ подлежавшимъ протесту, который однакожь установленъ для векселей, а не другихъ долговыхъ актовъ, и вексельное свойство документа, основанное на обычаѣ, проявило свое значеніе не въ отношеніи къ одному ходу взысканія, а въ отношеніи къ самой отвѣтственности надписателя.

5. При Одесскомъ портѣ существовалъ торговый обычай, сообразно которому, въ случаѣ продажи партіи хлѣба съ условіемъ *около* (circa), при опредѣленіи настоящаго количества четвертей, продающая сторона могла отпустить 10% болѣе и менѣе выговореннаго количества.

Основаніе этого обычая въ томъ, что продающій извѣстное количество хлѣба имѣетъ нерѣдко въ виду хлѣбъ, находящійся въ какомъ-либо помѣщеніи и въ точности не можетъ знать, сколько тамъ хлѣба. Понятно, что предоставляемое продавцу право при существующемъ колебаніи на цѣны хлѣба, должно быть сопряжено съ выгодами: понизились цѣны противъ выговоренной цѣны, — продавецъ навязываетъ покупщику лишніе 10% хлѣба, повысились онѣ, онъ отпускаетъ менѣе. Неограниченно представлялось впрочемъ это право только при отсутствіи въ договорѣ указанія на самое помѣщеніе, изъ котораго отпускался хлѣбъ. Если же было указаніе, то продавецъ освобождался лишь отъ обязанности, когда хлѣба оказывалось 10% менѣе противъ выговореннаго количества, дополнить его другимъ хлѣбомъ, и былъ въ правѣ требовать, чтобъ покупщикъ принялъ и лишніе 10% хлѣба, которые бы нашлись въ помѣщеніи. При существованіи излишка въ указанномъ при договорѣ помѣщеніи должно допустить, что покупщикъ съ своей стороны въ правѣ требовать, чтобъ ему были отпущены лишніе 10%, при недостаткѣ же онъ въ правѣ отказаться отъ пріема другого хлѣба.

Въ послѣднее время приблизительное опредѣленіе количества

выговариваемыхъ хлѣбовъ порождало не рѣдко споры, подлежавшіе судебному разсмотрѣнію. Причину этихъ споровъ находили въ томъ, что при невозможности обойтись безъ приблизительнаго указанія и легкости злоупотребленій со стороны продавца, заключившаго сдѣлку съ *«около»*, 10% скидки и прикидки оказываются въ настоящее время слишкомъ значительными. Есть приговоръ Одесскаго купечества, автономически сводящій эти 10 обычныхъ процентовъ къ 4. Но покамѣстъ не разрѣшенъ вопросъ, обязателенъ-ли этотъ приговоръ сколько нибудь для судебныхъ мѣстъ и даже для контрагентовъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нѣтъ доказательствъ, что при самомъ заключеніи договора имѣлось въ виду допустить предѣлы *«около»* въ размѣрахъ приговора Одесскаго купечества.

6. По Одесскому торговому обычаю счетъ днями опредѣленнаго срока, съ истеченіемъ котораго зафрахтованное судно должно находиться въ портѣ и быть готово къ пріемкѣ груза, чтобъ наниматель не былъ въ правѣ отступиться отъ фрахтоваго договора, производится за исключеніемъ дня заключенія договора. Случай былъ слѣдующій. Апрѣля 23 былъ заключенъ фрахтовой договоръ о суднѣ, не находившемся еще на-лицо въ Одессѣ. Въ договорѣ выговорено было, что если въ срокъ 15 дней (контрактъ былъ изложенъ на италіанскомъ языкѣ и было тамъ сказано: *«in termino di giorni «quindici contando da oggi.....»*) отъ дня заключенія — 23 Апрѣля судно не явится въ портѣ, то предоставляется нанимателю уничтожить контрактъ или не уничтожить. Судно явилось 8 Мая того года и наниматель объявилъ тогда, что по истеченіи срока 7 Мая онъ отказывается отъ договора. Противная же сторона утверждала, что судно прибыло въ срокъ, т. е. въ послѣдній день срока, который должно считать не съ 23 Апрѣля, какъ считалъ наниматель, а съ 24. Возникъ споръ, рѣшенный на основаніи обычая въ пользу судохозяина.

7. По существующему въ торговлѣ обычаю выраженіе: *«съ «возвращеніемъ почты»* равносильно словамъ: *«съ первою отходя«щею почтою»*. На основаніи сего обычая рѣшено слѣдующее фрахтовое дѣло. Купецъ Р, проживая въ Лондонѣ, заключилъ договоръ съ шкиперомъ Б, находившимся въ В, о пріемѣ въ Одессѣ груза и выговорилъ, что письменный актъ договора долженъ быть ему высланъ шкиперомъ и что затѣмъ предоставляется Р. отвѣчать съ возвращеніемъ почты[1]), что онъ принимаетъ договоръ. Актъ былъ посланъ 17 Іюля и отзывъ Р могъ бы достигнуть до Б уже

[1]) Текстъ контракта Англійскій, сказано: *«answer by return post»*.

19 Іюля, но отзыва не воспослѣдовало въ то время и шкиперъ заключилъ другой фрахтовой договоръ, также для отплытія въ Одессу. Р. началъ тамъ искъ противъ шкипера съ требованіемъ неустойки въ 6000 руб. сереб.; Судъ оправдалъ шкипера, изъяснивъ слова: «*съ возвращеніемъ почты*» согласно обычаю и принявъ въ соображеніе, что истецъ не доказалъ, что шкиперъ условленный отвѣтъ получилъ съ первою отходящею почтою. Можно-бы замѣтить, что нѣтъ собственно необходимости признать шкипера въ правѣ зафрахтовать судно другому лицу потому только, что Р. въ опредѣленный срокъ не доставилъ отвѣта; а послѣдствія отъ медленія Р. могли-бы быть и другія, не ничтожность договора съ Б. непремѣнно, напр. на Р могло бы пасть вознагражденіе шкипера за убытки. Но должно имѣть въ виду, что фрахтовой договоръ заключенъ условно, *если* Р. съ возвращеніемъ почты даетъ отзывъ, что остается при согласіи на договоръ. Условіе это, относясь къ началу договора, не состоялось, а потому самый договоръ долженъ считаться тоже несостоявшимся, и шкиперъ былъ совершенно воленъ заключить новый договоръ. Такъ-какъ Б. вступилъ въ этотъ договоръ уже по пришествіи дня возврата почты, то и при признаніи условія относящимся къ прекращенію договора Б. должно-бы считать правымъ: условіе для прекращенія договора состоялось, договоръ слѣдовательно прекратился, и Б. представляетъ судно другому контрагенту. Но будь отзывъ Р. лишь условіемъ въ смыслѣ пункта договора, будь это правомъ Р., кое ограничено лишь обязательствомъ соблюсти извѣстный срокъ въ осуществленіи, то пропущеніе срока отнюдь не повлекло-бы за собою ни недѣйствительности, ни прекращенія договора и не развязало-бы Б, а было-бы только нарушеніемъ договора со стороны Р.....

8. Аварія, претерпѣваемая судномъ отъ чумнаго случая, по обычаю признается общею. Понятно, что когда судно по поводу такого случая подвергается очищенію, выигрываютъ всѣ хозяева груза и судохозяинъ, и потому конечно аварія должна быть тутъ общею. Но обычай относится не только къ этому случаю, но и ко всѣмъ другимъ аваріямъ, отъ чумы происходящимъ.

9. По существующему въ Одессѣ обычаю рекомендаторы подписываютъ по словесному полномочію шкиперовъ фрахтовыя записки, которыя затѣмъ считаются вполнѣ для нихъ обязательными, развѣ будетъ доказано, что онѣ не составлены согласно полномочіямъ.

Извѣстно, что при Одессѣ для всѣхъ людей, судовъ и товаровъ, прибывающихъ изъ заграницы, существуетъ карантинъ. Въ прежнее время для людей срокъ пребыванія въ немъ былъ довольно значительный и потому шкипера и судовые экипажи большею частью

чрезвычайно рѣдко домогались переступать за предѣлъ карантинной гавани. И нынѣ еще, при ограниченіи карантина тремя днями, появленіе шкипера либо матроса на улицахъ приморскаго и торговаго города Одессы составляетъ, можно сказать, исключеніе. Но какъ шкиперамъ бываетъ надобность до разныхъ лицъ въ городѣ и приходится хлопотать о сдачѣ груза, о пріисканіи новаго и т. д., то съ-издавна установился обычай, что шкиперъ всякаго судна, адресуемаго изъ-за границы въ Одессу, рекомендуется какому-нибудь торговому дому, который и оказываетъ шкиперу какъ въ отношеніи къ судну, такъ и къ грузу разныя услуги, и въ качествѣ рекомендатаріуса получаетъ отъ судохозяина или самого шкипера извѣстное денежное вознагражденіе. Можетъ быть, еще другія обстоятельства содѣйствовали происхожденію этого обычая; но какія ни представляются изслѣдованію и размышленію обстоятельства, они почти всѣ окажутся общими для Одессы и для другихъ приморскихъ городовъ съ значительною торговлею, а между тѣмъ обычай рекомендатаріусовъ далеко необщій. Покамѣстъ однакожь и въ Одессѣ не выработались вполнѣ и съ надлежащею ясностью и точностью юридическія отношенія, касающіяся сего обычая, да и быть не можетъ иначе: въ виды законодательства вѣроятно не входитъ дать особыя опредѣленія мѣстнымъ Одесскимъ учрежденіямъ, договоры же о рекомендаціи почти не заключаются, а облекается она какъбы въ форму дружеской услуги, возмездной впрочемъ и отвѣтственной. Рѣшительный же обычай дознанъ въ отношеніи лишь къ весьма немногимъ чертамъ указаннаго учрежденія. Наконецъ и наука въ бездѣйствіи, простительномъ конечно при скудости матеріаловъ.

Положительно можно сказать, что рекомендатаріусъ дѣйствуетъ за повѣреннаго у шкипера, но только по дѣламъ, относящимся къ шкиперскому промыслу, и не имѣетъ ничего общаго съ корабельнымъ маклеромъ, который лишь *посредникъ* шкипера и судохозяина или другихъ лицъ въ сдѣлкахъ съ контрагентами въ отношеніи къ кораблю, ведетъ переговоры о заключеніи какого-либо договора, но не есть повѣренный для самаго заключенія. Рекомендатаріусъ съ маклеромъ и другими лицами вступаетъ въ переговоры по полномочію шкипера и вотъ именно къ этому случаю относится вышеприведенный обычай: при посредствѣ маклера состоялся фрахтовой договоръ и составлена фрахтовая записка (minute d'affretement), за подписомъ рекомендатаріуса. Мы видѣли, что и безъ законной довѣренности шкиперъ по обычаю признается обязаннымъ къ исполненію договора.

10. Если въ контрактѣ судна, заключенномъ за границею, постановлено, что оно рекомендуется только по прибытіи онаго въ

портъ (pour l'entrée), а не на оба пути, шкиперъ можетъ перемѣнить рекомендатаріуса, заплативъ ему слѣдующія за коммиссію съ привезенныхъ товаровъ деньги. Если же нѣтъ такого условія въ контрактѣ и шкиперъ самовольно перемѣнитъ рекомендатаріуса для отплытія (pour la sortie), то обязанъ по обычаю заплатить прежнему рекомендатаріусу и за отплытіе судна, хотя бы сей послѣдній въ погрузкѣ судна вовсе неучаствовалъ.

И такъ согласно сему обычаю требуется особенное постановленіе о приглашеніи рекомендатаріуса для одного вступленія судна въ портъ, чтобъ устранить предложеніе о назначеніи одного и того же рекомендатаріуса на два пути.

III. Относительно производимаго въ Одессѣ морского страхованія я имѣлъ случай собрать слѣдующія свѣдѣнія.

Страхованіе производится компаніями, исключительно для того составившимися: ихъ въ 1850 году было 4, и число это считалось достаточнымъ. Онѣ не ограничиваются впрочемъ страхованіемъ въ одной Одессѣ, а принимаютъ на страхъ и въ Константинолѣ, Смирнѣ, гдѣ держатъ агентовъ. Отдѣльныя лица не бываютъ страховщиками въ Одессѣ отчасти по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и въ другихъ городахъ капиталистъ весьма рѣдко найдетъ для себя выгоднымъ заниматься страхованіемъ въ отдѣльности. Для успѣшнаго производства его требуется значительный капиталъ, который, принадлежа одному хозяину, можетъ быть употребленъ съ большею выгодою на другіе обороты, неудобные для компаніи. Въ Одессѣ же представляется еще то обстоятельство, что до сихъ поръ съ меньшею точностью чѣмъ гдѣ-нибудь расчитана вѣроятность несчастныхъ случаевъ, противъ которыхъ производится морское страхованіе[1]). Соперничество страховщиковъ не позволяетъ назначать высокія преміи, а между тѣмъ Черное Море весьма бурно и постоянно бываютъ на немъ несчастные случаи. Отъ того рискъ со стороны страховщика въ Одессѣ значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и едва-ли тамъ кто-нибудь затратитъ большой капиталъ на страхованіе.

Бываютъ впрочемъ случаи, въ которыхъ одно лицо принимаетъ по договору на себя отвѣтственность за судно на случай разрушенія или поврежденія на морѣ, и ихъ можно считать видомъ страхованія, но оно не составляетъ здѣсь самостоятельнаго договора, а сливается съ другимъ договоромъ—наймомъ судна подобно тому, какъ казна, обязываясь пересылкою имущества, беретъ на себя и страхъ по немъ на случай ущерба: только съ

---

[1]) Напрасно я добивался въ Одессѣ свѣденій по статистикѣ кораблекрушеній.

тою разницею, что казна выговариваетъ себѣ особую страховую премію, тогда какъ премія страховщика-судонанимателя заключается въ сбавкѣ наемной платы. Случаи, которые я имѣю въ виду, слѣдующіе: небольшія суда отдаются въ наймы для перевозки товаровъ съ берега на корабли, съ нихъ на берегъ и тутъ наниматель обязывается иногда отвѣчать за судно на случай гибели. Но именно только по особому условію отвѣтственность падаетъ на нанимателя. Случилось однажды, что хозяинъ судна, которое потонуло, будучи отдано въ наймы для перевозки товаровъ, потребовалъ цѣны его отъ нанимателя, хотя объ отвѣтственности послѣдняго ни слова не было въ договорѣ. Но требованіе это найдено неосновательнымъ, упускающимъ изъ виду, что судонаниматель не отвѣчаетъ за случайную гибель; найдено было, что отвѣчая за нее, онъ, значитъ, принялъ бы на себя обязанность страховщика, которой онъ въ настоящемъ случаѣ не принимаетъ на себя.

Одесскія страховыя компаніи составлены на акціяхъ и дѣйствуютъ чрезъ директоровъ и управляющихъ дѣлами. Онѣ принимаютъ на страхъ по непосредственнымъ сношеніямъ съ страхователями или при посредствѣ маклеровъ или другихъ лицъ, получающихъ въ такомъ случаѣ за услуги весьма приличное вознагражденіе. Всѣ почти грузы, товары и суда, отправляющіеся за границу, застраховываются, хотя не всегда въ Одессѣ: такъ случается, что суда прибываютъ туда уже застрахованныя и на обратный путь и что застрахованъ также грузъ, принимаемый на корабль въ замѣнъ доставленныхъ въ Одессу заграничныхъ товаровъ. Судохозяева однакожь, владѣющіе довольно значительнымъ числомъ кораблей, рѣдко отдаютъ ихъ на страхъ: платежъ премій былъ бы въ этомъ случаѣ слишкомъ значительнымъ расходомъ, и судохозяева предпочитаютъ ему убытки отъ аварій и крушеній, которыя соображаютъ при опредѣленіи фрахта. Тутъ судохозяева какъ-бы свои собственные страховщики и сберегаютъ ту часть премій, которая составляетъ барышъ компаній. Равнымъ образомъ суда, предназначаемыя для каботажнаго плаванія, не защищаются страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ и то же самое должно сказать о грузахъ этихъ судовъ. Причина та, что хозяева судовъ и грузовъ большею частію люди малообразованные, не свыклись еще вполнѣ съ страхованіемъ и не признаютъ его учрежденіемъ, существеннымъ въ мореплаваніи. Притомъ же страховщики оказываютъ мало довѣрія прочности этихъ судовъ и надежности шкиперовъ, и потому требуютъ за страхъ большихъ премій, которыя конечно тяжело платить.—Юридическія отношенія между страховщиками и страхователями опредѣляются

частію непосредственно существующими узаконеніями и обычаями, частію особыми уставами страховыхъ компаній, частію частными условіями. Точно также какъ сходны между собою уставы страховыхъ компаній, сходны и частныя условія, которыя онѣ предлагаютъ страхователямъ. Условія эти обыкновенно печатаются на полисѣ, и страхователя признаютъ согласившимся на нихъ, какъскоро не состоялась между нимъ и компаніею оговорка объ отмѣнѣ того, либо другого пункта. Не всегда однакожъ страхователи обращаютъ надлежащее вниманіе на содержаніе печатныхъ условій, въ особенности когда они изложены на малодоступномъ языкѣ, напр. по итальянски или по новогречески, и потому, можно сказать, не рѣдки для страхователей разочарованія при требованіи страховыхъ суммъ, и премія оказывается иной разъ лишь цѣною за спокойствіе, преобрѣтаемое лицомъ на время плаванія судна, либо груза, а не окупомъ отъ постигшихъ ихъ бѣдствій. Большая часть узаконеній о страхованіи имѣетъ силу только на случай, когда договаривающіяся стороны сами не опредѣлятъ какого-либо предмета и отнюдь не притязаютъ они исключить установленіе условій самими контрагентами. Между тѣмъ не рѣдко потому только и происходятъ споры между ними, что страхователь признаетъ за собою на основаніи закона право, которое страховщикъ отвергаетъ на основаніи полиса. Правъ конечно страховщикъ утверждая, что юридическія отношенія контрагентовъ прежде всего опредѣляются полисомъ по обоюдному ихъ согласію, но противъ этого-то именно споритъ страхователь, будто печатанные пункты полиса суть принятыя имъ условія и будто принята имъ та статья, по которой при отсутствіи оговорки онъ считается согласившимся на пункты полиса. Страхователь старается выставить ихъ какими-то правилами, допускаемыми лишь страховою коммпаніею, для него отнюдь неруководительными и необязательными, въ особенности при разногласіи ихъ съ узаконеніями, и отзывается, что отъ одного помѣщенія этихъ правилъ въ полисѣ еще они не становятся условіями договора, что для страхователя все равно, составляется-ли полисъ—письменный актъ договора о страхованіи на бумагѣ испечатанной или чистой бумаѣ. Справедливо, что правила, исходящія отъ одного страховщика, безъ полномомія на ихъ изданіе со стороны законной власти не имѣютъ никакого значенія, все равно будутъ-ли они согласны съ законами или нѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо, что правила эти, будучи приняты страхователемъ, становятся вполнѣ обязательными условіями договора о страхованіи. Значитъ, вопросъ заключается только въ томъ, должно-ли страхователя считать согласившимися на эти правила, которыя помѣщены въ полисѣ, только потому, что они въ немъ помѣщены, хотя бы страхователь не изъ-

явилъ формальнаго согласія на признаніе правилъ условіями договора. Статья полиса, постановляющая, что страхователь считается согласившимся на всѣ правила, не рѣшаетъ вопроса, ибо она такое же правило, какъ и всѣ прочія, объ обязательности которыхъ именно идетъ рѣчь. Вопросъ разрѣшается раскрытіемъ существа полиса. Онъ письменный актъ о договорѣ страхованія, дѣйствительный, на основаніи закона, за подписомъ одного страховщика, какъ - скоро отъ него принятъ страхователемъ. Достаточность подписи одного страховщика вопреки обоюдности договора о страхованіи объясняется тѣмъ, что главное обязательство страхователя, заключающееся въ платежѣ премій, предполагается выполненнымъ прежде выдачи полиса, тогда-какъ прочія обязательства страхователя разсматриваются лишь какъ ближайшія условія обязательствъ страховщика (напр. страхователь обязанъ тогда-то увѣдомить страховщика о случившейся аваріи, т. е. страховщикъ обязанъ вознаградить страхователя за понесенныя потери, если онъ увѣдомитъ тогда-то о приключившейся аваріи). Остаются слѣдовательно обязательства страховщика и нужно только его удостовѣреніе въ готовности выполнить ихъ, удостовѣреніе, которое и представляется въ полисѣ. Но все - таки не совершается договоръ однимъ изготовленіемъ и подписаніемъ полиса, а существенно, чтобы полисъ былъ принятъ страхователемъ или считался принятымъ, точно-также какъ договоръ займа не признается совершеннымъ, пока заемное письмо, надлежащимъ образомъ составленное и засвидѣтельствованное, не передано заимодавцу. Принятіе же полиса распространяется на все его содержаніе, предшествующее подписи страховщика, и на печатанныя правила, если послѣ нихъ слѣдуетъ подпись, ибо правила эти ничто иное, какъ точнѣйшее опредѣленіе обязательства страховщика или даже обѣихъ договаривающихся сторонъ. И такъ принятіе полиса выражаетъ дѣйствительно согласіе страхователя на изложенныя тамъ правила, которыя этимъ путемъ получаютъ значеніе условій договора. Вышеупомянутый же пунктъ, сообразно которому страхователь считается согласившимся на печатанныя правила, оказывается совершенно лишнимъ, даже совершенно безполезнымъ, ибо къ нему ни въ какомъ случаѣ нельзя свести согласіе страхователя. О *печатаніи* правилъ, общихъ для всѣхъ страхователей, нечего и говорить: это конторское распоряженіе, не представляющее рѣшительно никакого препятствія для признанія правилъ условіями договора. Можно только замѣтить, что сдѣланная на полисѣ *приписка*, противорѣчащая какому-либо печатанному правилу, устраняетъ конечно дѣйствіе послѣдняго, ибо указываетъ на волю контрагентовъ устранить его. Равнымъ образомъ не ослабляется сила правилъ отъ изложенія ихъ

на языкѣ, не знакомомъ страхователю, при изложеніи писанной части договора на другомъ языкѣ, который понитаетъ страхователь, ибо принимая полисъ, онъ имѣетъ полную возможность разсмотрѣть его и развѣдать содержаніе правилъ, а при отсутствіи этой возможности, онъ можетъ не принять полиса.

Нельзя отрицать впрочемъ, что употребленіе бланковыхъ полисовъ съ условіями, изложенными на чуждомъ страхователю языкѣ, можетъ служить страховщику орудіемъ обмана, и обманъ этотъ во многихъ случаяхъ можетъ представляться преступнымъ и предъ закономъ. Но тогда недѣйствительность поражаетъ весь договоръ, а не одни правила, и нельзя сказать, что страхователю принадлежитъ тогда, въ случаѣ морского несчастія, безусловное право на удовлетвореніе со стороны страховщика, т. е. право, неограниченное тѣми правилами: напротивъ по договору о страхованіи, который оказывается ничтожнымъ, страхователь уже не имѣетъ никакого права въ отношеніи къ страховщику; по ничтожности договора возникаетъ лишь право на обратное полученіе преміи. Можетъ конечно случиться, что мнимый страхователь пріобрѣтетъ въ отношеніи къ минимому страховщику право на удовлетвореніе, равное тому, которое бы слѣдовало по договору, еслибъ онъ былъ заключенъ безъ условій бланковаго полиса. Нѣтъ сомнѣнія, что обманъ страховщика влечетъ за собою обязательство послѣдняго вознаградить убытки, понесенные страхователемъ вслѣдствіе обмана, и потому если имущество, составляющее предметъ недѣйствительной страховки, потерпитъ аварію и распорядитель его докажетъ, что не будь обмана, оно бы было непремѣнно застраховано, то аварія должна быть разсматриваема какъ убытокъ, понесенный по винѣ страховщика, который затѣмъ обязанъ произвести за него вознагражденіе по мѣрѣ представляемаго страхованіемъ.

Правила полиса опредѣляютъ главнымъ образомъ случаи, въ которыхъ страховая компанія не подлежитъ отвѣтственности по договору: сюда относятся случаи аварій, простирающихся до 5, 10%, по нѣкоторымъ же предметамъ до 50%. Общее основаніе, по которому страховщикъ ограничиваетъ такимъ образомъ свою отвѣтственность, заключается отчасти въ томъ, что небольшія поврежденія судна и груза встрѣчаются во время плаванія непрестанно и потому въ совокупности взятыя составляли-бы чрезвычайную тягость для страховщика независимо отъ затрудненій, сопряженныхъ съ приведеніемъ ущерба въ извѣстность, и отъ значительности потребныхъ для того расходовъ, что убытки отъ такихъ поврежденій не выходятъ изъ нормальнаго расчета лицъ, ихъ претерпѣвающихъ, и обыкновенно покрываются добываемыми барышами,

отчасти въ томъ, что по малоцѣнности, ломкости, громоздкости, усышкѣ и утечкѣ многихъ предметовъ ущербъ по нимъ долженъ быть даже очень важнымъ для того, чтобы приходилось вознаграждать за него. По этимъ товарамъ требуется ущербъ 50% для отвѣтственности страховщика, и тогда отъ усмотрѣнія страхователя зависитъ предоставить ихъ страховщику и получить выговоренную по договору сумму или первоначальную цѣну. Относительно же другихъ товаровъ различіе въ опредѣленіи предѣла, съ котораго ущербъ на рискѣ страховщика, объясняется ближайшимъ образомъ свойствомъ товара, употребительною его укладкою, относительною дороговизною. Такъ нѣтъ для страховщика аваріи до 5% на предметы, не легко подлежащіе порчѣ, каково желѣзо, мраморъ, на цѣнныя вещи, каковы золото, серебро, сахаръ, на предметы тщательно укладываемые, каковы матеріи на одежду, вообще товары, находящіеся въ ящикахъ и тѣмъ нѣсколько предохраняемые отъ легкой порчи. Такъ на кофе въ ящикахъ нѣтъ аваріи до 5%, а на кофе въ мѣшкахъ до 10%, какъ на съѣстные припасы, на злаки. Въ отношеніи къ отвѣтственности страховщика дѣлается въ полисахъ также различіе между аваріею общею и частною и по первой оставляется менѣе риска на страхователѣ, чѣмъ по послѣдней: такъ общая аварія злаковъ начинается съ 5%, частная же аварія съ 10%, общая аварія жидкостей, масла, сала, смолы, икры, шкуръ идетъ съ 5%, а въ случаѣ частной страховщикъ отвѣчаетъ по этимъ статьямъ лишь за ущербъ въ 50 и болѣе %. По товарамъ, по которымъ исключаются изъ риска страховщика 5% частной аваріи, исключаются всего 3% общей.

Причина этого различія заключается въ томъ, что случаи общей аваріи влекутъ за собою чрезвычайные расходы, которые страхователи развѣ тогда только имѣютъ въ виду принять на себя, когда размѣры расхода самые скромные, не превышаютъ, какъ показано, 5% цѣны товара, и что кромѣ общей аваріи все-таки еще частная аварія, неподлежащая застрахованію, можетъ поразить товары. Но весьма трудно объяснить, на какомъ основаніи дѣлается различіе между товарами, по которымъ 3% общей аваріи относятся на счетъ страхователя, и товарами, относящими къ нему 5%. Всѣ участники въ кораблѣ и грузѣ платятъ убытки отъ общей аваріи и потому, казалось бы, все равно, какой-бы ни былъ товаръ у отдѣльнаго страхователя, тѣмъ болѣе, что при раскладкѣ соображается одна цѣна предметовъ. Положимъ, что одному страхователю принадлежитъ въ грузѣ строевой лѣсъ, другому сало, и происходитъ общая аварія: дѣлается раскладка и на долю участниковъ выпадаетъ по 5% платежа. Хозяинъ лѣса вправѣ въ такомъ

случаѣ 2% перевести на страховщика, а хозяинъ сала одинъ несетъ расходъ. Отъ чего это? Различіе только въ томъ, что торгующій саломъ привыкъ разсчитывать на большіе убытки при перевозкѣ, нежели продавецъ лѣса, и потому когда оба лица страхуютъ товаръ, къ первому все-таки можетъ быть отнесенъ нѣсколько большій расходъ на общую аварію, нежели ко второму. Такимъ образомъ по указанію опыта всѣ товары размѣщаются по двумъ обширнымъ классамъ, которые принимаются за основаніе при опредѣленіи страха по общимъ аваріямъ.

Другое весьма важное условіе относится къ абандону судна либо груза. По законодательству абандонъ не составляетъ права страхователя, а предоставляется на волю страховщика уплатить ему страховыя деньги сполна и оставить застрахованный предметъ за собою или заплатить только за убытокъ. Компаніи же не рѣдко предоставляютъ страхователямъ право абандона, ограничивая его впрочемъ случаями важныхъ ущербовъ, такихъ, которые составляютъ не менѣе 50% цѣны предмета (sinistre majeur). Если имѣть въ виду, какъ затруднительны разсчеты убытковъ, происходящихъ на морѣ въ особенности, когда вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ становится негоднымъ къ нормальному употребленію, то нельзя не допустить, что успѣхъ страхованія требуетъ абандона для страхователей и становится понятнымъ, почему страховщики повидимому добровольно отступаются отъ предоставленнаго имъ закономъ права соглашаться на абандонъ, либо не соглашаться. Корабельщикъ, положимъ, застраховалъ судно въ 10,000 руб., и оно потерпѣло крушеніе: остались одни обломки. Очевидно, что онъ будетъ вознагражденъ за убытки только въ такомъ случаѣ, если страховщикъ доставитъ возможность имѣть снова судно, которое примется на страхъ въ 10,000 руб. Допустимъ, что страховщикъ приметъ на себя издержки на починку разбитаго судна, но она только тогда и возможна, когда судно было новое; судно же починенное не идетъ въ сравненіе съ новымъ. Допустимъ, что страховщикъ вознаграждаетъ страхователя на столько, чтобы выдаваемая ему сумма въ сложности съ цѣною обломковъ равнялась застрахованной суммѣ; но тутъ спрашивается, какая же цѣна обломковъ, и оказывается, что для совершеннаго удовлетворенія страхователя необходимо, чтобы цѣна эта опредѣлялась остаткомъ отъ выручки изъ произведенной страхователемъ продажи разбитаго судна за вычетомъ расходовъ, сопряженныхъ съ продажею, ибо только сумма этого остатка и платежа отъ страховщика даетъ страхователю возможность пріобрѣсти вновь надлежащее судно. Можно однакожь сказать навѣрное, что такая оцѣнка обломковъ невыгодна для стра-

ховщика: во-первыхъ, въ большой части случаевъ выручка отъ произведенной страхователемъ продажи будетъ ниже настоящей цѣнности или даже той цѣны, которую бы получилъ, распоряжаясь продажею, страховщикъ, заинтересованный въ наиболѣе выгодномъ сбытѣ остатковъ отъ судна и имѣющій, должно предполагать, возможность устранить случайности, которыя препятсвуютъ успѣшному исходу продажи со стороны страхователя; во-вторыхъ, расходы, сопряженные съ продажею, для страхователя значительнѣе нежели для страховщика, ибо первый включаетъ сюда и убытки отъ проволочки, связанной съ продажею, и по отвлеченію страхователя (корабельщика) отъ другихъ его занятіи. Чтобы достигнуть бо́льшей выручки и сократить расходы по продажѣ, страховщикъ можетъ принять ее на себя, но это именно и есть дѣйствіе абандона, предоставляемаго страхователю и оказывающагося за тѣмъ столько же сообразнымъ съ существомъ страхованія, сколько согласнымъ съ пользами контрагентовъ. Но важно, чтобы абандонъ составлялъ именно право страхователя и не зависѣлъ отъ усмотрѣнія противной стороны, ибо возможны конечно отдѣльные случаи, въ которыхъ страховщикъ захотѣлъ бы оставить застрахованные предметы за страхователемъ и вознаградить его только за убытки: нужно поэтому страхователю быть обезпеченнымъ, что его несчастный случай не будетъ отнесенъ къ числу этихъ случаевъ, тѣмъ болѣе что и самая премія бываетъ разсчитана па скорую развязку страхователя съ застрахованными предметами при ущербахъ, подходящихъ подъ условія договора. Обезпеченіе дается страхователю предоставленіемъ права на абандонъ. Страховщикъ съ своей стороны, соглашаясь даровать это право, обязываетъ страхователя заботиться по возможности о спасеніи и сохраніи имущества, могущаго сдѣлаться предметомъ абандона, и тѣмъ старается отвратить вредныя послѣдствія отъ уступки его страхователю. Нельзя конечно ожидать, чтобъ эта мѣра всегда была успѣшна, но какъ-бы то ни было, абандонъ столь существенъ въ страховомъ дѣлѣ, что третейскіе суды, разбирающіе споры между участниками страхованія, силятся допустить его даже и тогда, когда онъ не былъ собственно выговоренъ въ полисѣ. Такъ я знаю случай, что судно, застрахованное въ Одессѣ безъ прямого условія объ абандонѣ, сѣло на мель и значительно повредилось близь Дунайскихъ Гирлъ. Агентъ страховой компаніи принялъ немедленно мѣры для облегченія судна; оно сошло съ мели, было починено и доставлено въ Одессу. Страхователь отказывался принять судно и требовалъ страховой суммы на томъ основаніи, что поврежденіе, понесенное судномъ, не исправимо. Страховщикъ напротивъ уклонялся отъ платежа страховыхъ

денегъ утверждая, что произведя на свой счетъ починку судна, онъ избавилъ контрагента отъ всякихъ убытковъ и тѣмъ удовлетворилъ своему обязательству. Третейскій судъ, къ которому должны были обратиться обѣ стороны, нашелъ, что по обстоятельствамъ дѣла страховщикъ только тогда можетъ быть признанъ вознаградившимъ понесенные страхователемъ убытки и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворившимъ своему обязательству, когда выдастъ страховую сумму, оставивъ въ своемъ распоряженіи починенное судно.

При заключеніи договора страхованія компаніи воздерживаются по большой части отъ розысканія, въ правѣ-ли противная сторона вступить въ договоръ и дѣйствуетъ-ли она при семъ на законномъ основаніи. Такъ не требуется удостовѣренія на счетъ участія страхователя въ застраховываемомъ предметѣ, на счетъ дѣйствительнаго существованія риска для страхователя, хотя по закону и ничтожно страхованіе предмета, производимое лицемъ, котораго интерессъ не связанъ съ невредимостью предмета или ужь обезпеченъ другимъ страхованіемъ. Когда предметъ отдается на страхъ по порученію, не требуется свѣдѣній о лицѣ довѣрителя, о правахъ его на страховку, о полномочіи страхователя, хотя могли бы открыться обстоятельства существенной важности для дѣйствительности страхованія; оно напротивъ производится безъ всякаго вниманія къ этимъ обстоятельствамъ: «*въ счетъ того, кому слѣдуетъ*» — вотъ употребительная при такомъ страхованіи формула (pour compte de qui il appartiendra). Равнымъ образомъ принимается обыкновенно на вѣру показаніе страхователя относительно стоимости предмета, хотя лживость уничтожаетъ въ этомъ случаѣ дѣйствительность договора. Страховщикъ имѣетъ въ виду, что совершеніе страхованія немедленно доставляетъ премію или право на премію, что раскрытіе обстоятельствъ, лишающихъ страхованіе силы, важно только въ случаяхъ несчастія, за которое приходится отвѣчать, что случаи эти все-таки рѣдки сравнительно съ количествомъ страхованій, и потому онъ предоставляетъ себѣ требовать надлежащихъ удостовѣреній, когда открывается обязательство вознаградить страхователя. Это тѣмъ удобнѣе, что большею частью по условіямъ полиса полагается болѣе или менѣе продолжительный срокъ на удовлетвореніе страхователя, обыкновенно трехмѣсячный съ той поры, какъ будетъ признана въ данномъ случаѣ отвѣтственность страховщика, и ему слѣдовательно довольно времени, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія о законности заключеннаго договора. Притомъ же страховщикъ обязываетъ страхователя возвратить платежъ, если въ теченіе извѣстнаго времени, большею частью трехъ мѣсяцевъ же, обнаружится, что не было вовсе обязательства произвести платежъ. —

Такимъ образомъ какъ-бы ни былъ снисходителенъ страховщикъ къ страхователю при заключеніи договора, едва-ли приведется страховщику изъяниться по договору незаконному, а между тѣмъ онъ и тутъ пріобрѣтаетъ премію и получаетъ ее по множеству другихъ страхованій, незаконность которыхъ только потому не открывается, что не представляется страхователю повода требовать страховыхъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что существующее между страховщиками совмѣстничество исключаетъ разборчивую мнительность при пріемѣ страховокъ. Одно что взвѣшивается тщательно — это обстоятельства, принимаемыя въ соображеніе для того, чтобъ назначить премію: дѣлаются распросы о рейсѣ, о суднѣ, шкиперѣ, находящійся въ Одессѣ купеческій корабль осматривается, а если нѣтъ корабля на мѣстѣ, то наводятся справки о времени его построенія, къ чему служитъ пособіемъ издаваемое ежегодно въ Парижѣ росписаніе купеческихъ кораблей.

Въ отношеніи къ предметамъ страхованія Одесса не представляетъ никакихъ особенностей: принимаются на страхъ суда, съ грузами и безъ грузовъ, грузы сполна и по частямъ, отдѣльные товары, бодмерейныя деньги въ обширномъ смыслѣ, ожидаемая отъ судна либо товаровъ прибыль, и всѣ эти предметы принимаются или въ цѣлости цѣны или въ доляхъ ея или наконецъ въ извѣстныхъ суммахъ, составляющихъ часть цѣны, такъ-что по одному предмету можетъ быть нѣсколько страхованій. Какъ по закону и по обычнымъ условіямъ полиса предметы эти, даже считаясь въ цѣлости застрахованными, оставляютъ на отвѣтственности страхователя часть урона, то случается, что и она подвергается особому страхованію и въ такомъ случаѣ при выдачѣ страховой суммы по этой части уже не дѣлается вычета за какую-либо долю страха, относимую на счетъ страхователя: вычетъ былъ-бы тутъ противенъ цѣли производимаго страхованія и первоначальному соглашенію контрагентовъ, опредѣляемому этою цѣлью. Одинъ и тотъ же предметъ подвергается многократной страховкѣ: такъ его перестраховываетъ страховщикъ, въ цѣлости, либо въ части. Это бываетъ, когда онъ находитъ, что обремененъ страхованіями, или когда есть случай произвести перестраховку по меньшей противъ платимой первымъ страхователемъ преміи, или когда страховая сумма для одного страховщика слишкомъ значительна. Должно замѣтить, что перестраховка части, производимая страховщикомъ, не есть раздѣленіе страхованія, не рѣдко случающееся въ дѣйствительности, хотя то и другое называется раздѣленіемъ по одинакости фактическаго результата. При перестраховкѣ все-таки первый страховщикъ во всей страховой суммѣ отвѣтственное лице предъ первымъ страхователемъ,

тогда-какъ при раздѣленіи каждый страховщикъ отвѣчаетъ предъ страхователемъ за свою часть въ страхованіи. Перестраховка должна производиться страхователемъ въ огражденіе отъ несостоятельности страховщика, слѣдовательно страховая сумма получается только въ такомъ случаѣ, если настанетъ для него обязательство удовлетворить страхователя, и признанная несостоятельность страховщика будетъ препятствіемъ къ исполненію обязательства. Но какъ она по большой части не лишаетъ удовлетворенія совершенно, то страхователь, вознаграждаясь за убытки отъ второго страховщика и получая еще часть изъ массы перваго, очевидно былъ бы въ барышахъ отъ постигшаго застрахованные предметы бѣдствія, что безусловно противно существу и цѣли страхованія. Отъ втораго страховщика страхователю слѣдуетъ получить лишь ту часть платежа, которой не дополучилъ отъ перваго страховщика; но легко можетъ случиться, что при наступленіи срока для удовлетворенія еще не будетъ извѣстно, сколько достанется изъ массы страхователю и нельзя будетъ ему выдать его часть. И такъ одно изъ двухъ: или обязательство втораго страховщика подлежитъ исполненію лишь въ то время, когда будетъ приведена въ извѣстность часть, причитающаяся страхователю изъ массы перваго страховщика, ибо только тогда опредѣляется надлежащимъ образомъ это обязательство; или второй страховщикъ производитъ немедленно удовлетвореніе сполна, страхователь же обязывается возвратить имѣющій оказаться излишекъ, какъ скоро получитъ, что слѣдуетъ изъ массы, или же передастъ вмѣсто того право на сіе полученіе второму страховщику. Только въ послѣднемъ случаѣ перестраховка оберегаетъ страхователя надлежащимъ образомъ отъ несостоятельности перваго страховщика и отъ ея послѣдствій, ибо дѣйствіе ея проявляется обыкновенно не въ одной неполнотѣ удовлетворенія вѣрителей, но и въ просрочкѣ удовлетворенія. Въ примѣненіи же къ ней перестраховка должна породить обязательство страховщика вознаградить страхователя въ тотъ срокъ, въ который первому страховщику слѣдовало бы произвести удовлетвореніе. Въ этотъ же срокъ оно только и можетъ быть произведено сполна. Такъ дѣйствительно и бываетъ въ Одессѣ, и при полученіи страхового платежа страхователь переводитъ на втораго страховщика право на удовлетвореніе отъ перваго. Перестрахованія предметовъ, застрахованныхъ въ Одесскихъ компаніяхъ, встрѣчаются впрочемъ довольно рѣдко со стороны страхователей: компаніи, по настоянію правительства, располагаютъ значительнымъ капиталомъ, и потому довѣріе къ ихъ состоятельности покамѣстъ еще не колебалось.

Встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ страхованіе преміи не

употребительно въ Одессѣ. Тамъ находятъ, что для преміи нѣтъ вовсе риска и что поэтому условіе о ея страхованіи совершенно чуждо существу этого договора. Мнѣ кажутся Одесскіе страховщики совершенно правыми въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ допускается страхованіе преміи, оно заключается на случай ущерба предмета, за который платится премія. Но ужь если примѣнять понятіе о рискѣ къ преміи, то должно относить его къ случаю благополучнаго прибытія предмета, а не къ ущербу. Рискъ состоитъ въ томъ, что страхователь обяжется, пожалуй, преміею, а имущество, не пострадавъ ни отъ какой морской опасности, достигнетъ назначенія, такъ что могло бы быть и не застраховано. Но и тутъ должно имѣть въ виду, что расходъ на премію входитъ въ разсчетъ страхователя и въ нормальномъ порядкѣ вещей покрывается выручкою отъ застрахованнаго предмета. Вотъ почему премія и не подвергается страховкѣ на случай успѣшности плаванія. На противный же случай она производится по соображенію, что не вся страховая сумма, получаемая страхователемъ, составляетъ собственно для него вознагражденіе, а лишь сумма, остающаяся за вычетомъ преміи, и что вознагражденіе только тогда будетъ равняться платимой страховщикомъ суммѣ, если за премію также будетъ сдѣлано вознагражденіе, что право на такое вознагражденіе иначе не удобомыслимо, какъ при страхованіи преміи. Оно конечно предполагаетъ платежъ другой преміи, но онъ будетъ, разумѣется, гораздо менѣе первой преміи и можетъ при томъ также сдѣлаться предметомъ страхованія за премію (третью), еще меньшую второй. Такимъ образомъ страхованіе преміи на случай ущерба въ предметъ первоначальнаго страхованія можетъ быть продолжено до тѣхъ поръ, пока не окажется премія столь незначительная, что для нея въ отдѣльности не найдется и страховщикъ, и ничтожный расходъ на нее нисколько не будетъ отяготителенъ для плательщика. Мнѣ кажется однакожь, что въ цѣломъ ряду этихъ договоровъ страхуются все-таки не преміи, для которыхъ нѣтъ риска, а предметъ первоначальнаго страхованія, которое вслѣдствіе платежа преміи оказывается не покрывающимъ страхового предмета въ соразмѣрность страховой суммѣ, такъ-что часть предмета остается на рискѣ страхователя. Она допускаетъ новую страховку, которая однакожь также, по причинѣ платежа за премію, оставитъ часть предмета не покрытою, подлежащею потому новому страхованію, которое даетъ мѣсто четвертому, а это пятому и т. д., пока наконецъ малѣйшая часть имущества должна бы сдѣлаться предметомъ договора, еслибы только польстился на нее страховщикъ, или рискъ по ней заслуживалъ вниманія страхователя. Но какъ страховая сумма каждаго

послѣдующаго страхованія равняется преміи предъидущаго и страховая сумма вообще называется не рѣдко предметомъ страхованія, то оказывается возможность выставлять образующійся здѣсь рядъ договоровъ страховками премій. Дѣйствіе этого страхованія конечно то, что страхователь въ случаѣ бѣдствія обложенъ самымъ ничтожнымъ расходомъ на премію, такъ — что приходится на него отсчитать малѣйшую часть выдаваемой страховщикомъ суммы. Но за то при успѣшномъ плаваніи издерживается на преміи гораздо болѣе денегъ. Теперь примите въ соображеніе, что, гдѣ встрѣчаются страховки преміи, страховщикомъ является не рѣдко во всѣхъ договорахъ одно и тоже лицо, и именно страховщикъ предмета, съ котораго платится первая премія, что страховки премій употребительны преимущественно тогда, когда первая премія по условію платится не прежде, какъ опредѣлится судьба застрахованнаго предмета, и выйдетъ, что онъ одинъ только и страхуется, но съ уговоромъ, что премія должна быть заплачена лишь при благополучномъ исходѣ плаванія. Возлагаемый на страховщика рискъ усиливается при такомъ условіи еще рискомъ не получить преміи, и потому она должна быть конечно выше обыкновенной преміи. Впрочемъ и сведенная къ этому, смѣю думать, настоящему значенію и виду, страховка премій не существуетъ въ Одессѣ. По господствующему тамъ воззрѣнію, нѣтъ прямого соотношенія между преміею и страховою суммою и не опредѣляютъ полученія страхователя вычетомъ премій изъ страховой суммы, точно также какъ при страхованіи по коммиссіи не считаютъ ея уменьшенною коммиссіоннымъ процентомъ. Премія представляется тамъ расходомъ, которымъ лицо окупается отъ риска. Имѣя въ виду возможность бѣдствія, страхователь, можетъ быть, и старается накинуть эту издержку на предъявляемую къ страхованію сумму, хотя самая премія должна отъ того увеличиться. Въ такомъ случаѣ страховая сумма почти покрываетъ премію и невозвратный расходъ страхователя самый незначительный. Когда же не удается ему произвести страховку въ такой полнотѣ, премія съ подвергшагося гибели предмета составляетъ одинъ изъ тѣхъ не рѣдкихъ въ промышленности расходовъ, которыми количество прибыли лица приводится къ болѣе умѣренной цифрѣ. Но вѣдь морскія несчастія все-таки составляютъ исключеніе, большею же частію страхуемые предметы достигаютъ назначенія благополучно, а если лицо будетъ платить усиленныя преміи, то, очень можетъ быть, ему и ни удается весь расходъ на нихъ вознаградить выручками.

Риски, по которымъ отвѣтственность падаетъ на страховщиковъ, опредѣляются въ Одессѣ по большой части согласно существующимъ узаконеніямъ; объ особенностяхъ же въ установленіи

мѣры отвѣтственности я помянулъ прежде и было мною замѣчено, что она ограничивается между прочимъ по соображенію тѣхъ ущербовъ, которые испытываются предметами независимо отъ морскихъ опасностей. Но будучи разъ допущено, ограниченіе это должно именно относиться къ случаю урона, отъ нихъ происшедшаго, ибо только такой случай лежитъ на отвѣтѣ страховщика; ущербы же, иначе причиненные страхователю по застрахованному предмету, вовсе не касаются страховщика и потому ни въ какой мѣрѣ не отвѣчаетъ онъ по нимъ. Если товаръ отъ утечки утратилъ 10$\frac{0}{00}$ цѣны, на счетъ хозяина относится только 5$\frac{0}{0}$ страха, то все-таки страховщикъ, за отсутствіемъ изъяна отъ морской опасности, свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Отсюда однакожь не слѣдуетъ, что въ отношеніи къ страховщику случай урона въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ остается на рискѣ самого страховщика, равнозначущъ съ убыткомъ, хотя-бы и болѣе значительнымъ, но происшедшимъ не отъ морской опасности. Должно имѣть въ виду, что когда убытокъ не достигаетъ предѣла, съ котораго беретъ начало отвѣтственность страховщика, страхователю въ нормальномъ порядкѣ вещей вовсе не приходится искать удовлетворенія, ибо съ предъявленіемъ требованія неразрывно доказательство, подтверждающее заявленіе о мѣрѣ убытковъ, о такой мѣрѣ, которая обязываетъ страховщика къ вознагражденію, въ самомъ требованіи заключался бы слѣдовательно приговоръ его неосновательности. Когда же убытокъ таковъ, что относился бы къ отвѣтственности страховщика, если-бы только не происходилъ отъ случая, изъ нея исключаемаго, то страхователь все-таки въ правѣ требовать удовлетворенія, а дѣло страховщика доказать, что онъ на этотъ разъ свободенъ отъ отвѣтственности по причинѣ независимости урона отъ морской опасности. Представленіе такого доказательства бываетъ не рѣдко сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями. И такъ очевидно, что положеніе страховщика въ первомъ случаѣ гораздо благопріятнѣе, нежели въ послѣднемъ. Бываетъ, что претерпѣваемый страхователемъ убытокъ слагается изъ ущерба отъ морской опасности и другого. Напримѣръ, на товарѣ убытку 10$\frac{0}{00}$: — 6 отъ утечки, 4 отъ бури. Если предположить, что 5$\frac{0}{00}$ аваріи падаютъ на самаго страхователя, то при разложеніи убытковъ страховщику не придется ничего платить, при слитіи же ихъ онъ бы долженъ былъ уплатить 10$\frac{0}{00}$. Разложеніе въ Одессѣ не производится. Извѣстная примѣсь ущерба отъ опасности неморской предполагается во всякомъ поврежденіи застрахованнаго предмета, и я показалъ, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается отчасти основаніе выговариваемой страховщиками свободы отъ незначительныхъ аварій. Если они въ одномъ случаѣ

вовсе не производятъ удовлетворенія, хотя бы весь ущербъ происходилъ отъ морской опасности, то пусть они въ другомъ случаѣ платятъ страхователю, хотя-бы былъ убытокъ не отъ одной морской опасности. Притомъ же едва-ли возможно въ большой части случаевъ совершенно точное количественное распредѣленіе ущербовъ по ихъ происхожденію, а потому только и остается разсчитывать ихъ въ цѣлости при установленіи обязательства страховщика. Но между прочимъ по соображенію, что въ убыткахъ, вознаграждаемыхъ страховщикомъ, есть часть, не лежащая собственно на его отвѣтственности, допускается обыкновенно извѣстный вычетъ изъ дѣлаемой страхователю денежной выдати, — вычетъ въ 3%.

Одинъ и тотъ же убытокъ можетъ быть дѣйствіемъ морской опасности или другого какого-либо случая, и притомъ можетъ быть такъ, что убытокъ, обыкновенно бывающій въ совершенной отъ нея независимости, въ одномъ случаѣ будетъ причиненъ именно морскою опасностью и на оборотъ убытокъ, постоянно ею наносимый, въ данномъ случаѣ будетъ слѣдствіемъ иного событія. По трудности изслѣдовать происхожденіе такихъ убытковъ, въ свойствѣ которыхъ оно прямо не высказывается, контрагенты не рѣдко опредѣляютъ, какіе убытки должны состоять на рискѣ страховщика и какіе изъемлются изъ страха, съ тѣмъ чтобы ужь не обращаться въ случаѣ несчастія къ разсмотрѣнію его источника. Понятно, что такое условіе пораждаетъ возможность покрыть убытокъ, возникшій безъ морской опасности договоромъ морского страхованія, служащимъ собственно къ огражденію отъ вредныхъ послѣдствій морскихъ опасностей. Но вѣдь причина убытка согласно условію не развѣдывается, не принимается въ соображеніе, и потому остается мѣсто предположенію, что онъ могъ произойти отъ морской опасности. Законодательство даетъ впрочемъ такой обширный просторъ условіямъ страхованія, что они могутъ и выступить изъ существа договора, что̀ безпрестанно и встрѣчается въ дѣйствительности.

Существованіе риска для застрахованнаго предмета со времени заключенія договора признается необходимымъ для его дѣйствительности, и потому, напр., если не состоится рейсъ, для котораго отдано на страхъ судно, страховщикъ получаетъ обратно полисъ и возвращаетъ премію. Но допускается одно исключеніе, вполнѣ сообразное съ свойствомъ мореплаванія: какъ при заключеніи договора контрагенты не всегда имѣютъ и не всегда могутъ имѣть свѣденія о судьбахъ страхуемаго предмета и получаемыя о немъ на мѣстѣ страхованія извѣстія весьма часто нисколько не соотвѣтствуютъ его положенію въ моментъ ихъ полученія, то принято также въ Одессѣ считать страхованіе дѣйствительнымъ, хотя бы рискъ

ему предшествовалъ, если только контрагенты не могли знать при заключеніи договора — страховщикъ о благополучномъ прибытіи предмета, страхователь о приключившемся бѣдствіи. Судно прибыло благополучно до страховки, риску слѣдовательно не было для страховщика, а онъ все-таки пріобрѣтаетъ премію. Судно погибло прежде чѣмъ заключенъ договоръ: значитъ, нѣтъ не только риска, нѣтъ и предмета для страхованія, а страховщикъ обязанъ все-таки вознагражденіемъ. Требуемое въ настоящемъ случаѣ отсутствіе возможности вѣдома о прекращеніи риска опредѣляется расчетомъ разстоянія мѣста прекращенія отъ Одессы, при соображеніи времени, истекшаго послѣ прекращенія риска, и предположеніи, что требовалось бы часа времени на совершеніе 8 верстъ пути. Пусть число верстъ равняется $a$, время (число часовъ) $b$: если $\frac{a}{b}$ болѣе 8, то вѣдомъ считается невозможнымъ. По особому условію впрочемъ сохраняетъ силу страхованіе и при возможности вѣдома (assurance à bonne ou mauvaise nouvelle): въ этомъ случаѣ оно признается недѣйствительнымъ только тогда, когда доказано будетъ, что, заключая договоръ, контрагентъ имѣлъ свѣденіе, а не только могъ имѣть, о прекращеніи риска. Если-бы оказалось, что свѣденіе ложно, то договоръ тѣмъ не менѣе долженъ бы былъ лишиться дѣйствительности. На пр. судохозяинъ, получивъ ложную вѣсть о гибели судна, застраховалъ его, вскорѣ же послѣ того оно точно гибнетъ: страхованіе недѣйствительно и убытки не вознаграждаются. Такъ въ самомъ дѣлѣ разъ было въ Одессѣ. Но положимъ, что страховщикъ принялъ на страхъ судно, подвергающееся крушенію и окажется, что, вступая въ договоръ, онъ имѣлъ ложное свѣденіе о благополучномъ прибытіи судна на мѣсто назначенія. Тутъ можетъ показаться сомнительною недѣйствительность страхованія по соображенію, что терпѣть потерю въ этомъ случаѣ должно лицо невинное—страхователь, который лишается права на удовлетвореніе по договору. Я полагаю однакожь, что съ юридической точки зрѣнія недѣйствительность несомнѣнна, а вопросъ о дѣйствительности и недѣйствительности договора есть вопросъ чисто юридическій, претерпѣваемые же лицомъ убытки — это моментъ экономическій, который отнюдь не входитъ въ разсчетъ при рѣшеніи юридическаго случая. Если впрочемъ докажетъ страхователь, что онъ безъ обмана страховщика не подвергался бы убыткамъ, то послѣдній конечно долженъ быть приговоренъ къ ихъ вознагражденію, не на основаніи договора, а по нарушенію права страхователя. Сообразно коммиссіонному свойству торговли въ Одессѣ, случается тамъ часто, что и на страхъ отдаются предметы по коммиссіи. Тутъ можетъ случиться, что, производя страхованіе, коммиссіонеръ знаетъ о происшедшемъ

бѣдствіи, или что коммитентъ узнаетъ о немъ прежде, нежели заключенъ договоръ. Въ первомъ случаѣ страхованіе недѣйствительно и отвѣтственность по заключенію его падастъ на коммиссіонера; въ послѣднемъ случаѣ оно недѣйствительно, если коммиттентъ, дѣлая коммиссію, имѣлъ надлежащее свѣдѣніе или, получивъ его послѣ, не принялъ зависящихъ отъ него мѣръ для отмѣны коммиссіи. Но если мѣры употреблены, то страхованіе по коммиссіи вполнѣ дѣйствительно, хотя-бы вѣдомъ коммиттента и предшествовалъ совершенію договора.

Продолжительность риска опредѣляется въ Одессѣ двояко: путемъ, на который производится страхованіе, и срокомъ. Заключаемое во многихъ мѣстахъ страхованіе на отправленіе и возвращеніе судна (assurance pour l' aller et le retour, à prime liée) не употребительно въ Одессѣ. Но и тамъ случается, что заключается страхованіе на рейсъ и на обратный путь, но большею частію тутъ разумѣются два страхованія, и потому во время нахожденія судна на мѣстѣ прибытія оно не состоитъ на рискѣ страховщика, тогда-какъ единый договоръ страхованія на оба пути обнимаетъ и пребываніе судна на мѣстѣ назначенія, развѣ будетъ выговорено иначе. Начало и конецъ страхованія на срокъ опредѣляются въ точности наступленіемъ срочнаго времени — числа мѣсяца, дня либо часа или, напр., временемъ выгрузки товаровъ, разснастки судна, временемъ совершенія какого-либо дѣйствія. Для судна, застрахованнаго на рейсъ, начало страха есть моментъ отплытія; конецъ—моментъ прибытія на мѣсто назначенія; для груза, застрахованнаго отъ мѣста до мѣста, начало страха—помѣщеніе на суднѣ или на перевозной лодкѣ для доставленія на судно, конецъ — когда грузъ на мѣстѣ назначенія будетъ сложенъ на берегъ, если это сдѣлается до истеченія 15 дней со дня прибытія судна, иначе же съ истеченіемъ 15 дня.

Премія страхованія, сколько мнѣ извѣстно, въ Одессѣ всегда денежная: она почти исключительно опредѣляется процентомъ съ страховой суммы; въ отдѣльныхъ же случаяхъ назначается въ премію извѣстная сумма за весь страхъ или мѣсячный платежъ. Послѣднее бываетъ при неопредѣленномъ продолженіи рейса. Въ печатныхъ условіяхъ полисовъ обыкновенно значится, что премія должна быть заплачена страхователемъ при полученіи полиса, разумѣется, премія, состоящая въ единственномъ платежѣ. Тутъ имѣютъ въ виду, что безъ вноса преміи не произойдетъ и передача полиса, существенная, какъ мы видѣли, для совершенія страхованія, что слѣдовательно нѣтъ и страхованія, когда не заплачена премія. Но отсюда не вытекаетъ, что его нѣтъ и въ такомъ случаѣ, если полисъ будетъ переданъ безъ полученія страховщикомъ преміи. Да и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ

препятствій для дѣйствительности страхованія отъ платежа премія не при самомъ заключеніи договора, а въ послѣдствіи. Въ составѣ страхованія существенно понятіе о преміи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но лишь-бы при страхованіи установлено было обязательство страхователя заплатить премію, немедленнаго же взноса ея не требуется. Въ Одессѣ дѣйствительно по большой части премія не требуется отъ надежнаго страхователя при страхованіи, а онъ даетъ вмѣсто того письменное обязательство внести премію по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ. Письменный актъ называется *боною* — отъ итальянскаго слова buona — годный (по французски bon), что значитъ актъ, *годный* для доставленія владѣльцу извѣстной суммы денегъ. Боны имѣютъ тамъ курсъ на биржѣ и подлежатъ учету подобно векселямъ. Такимъ образомъ, если даже считать существенною принадлежностью страхованія, чтобы премія была заплачена при совершеніи договора и если вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду указанное свойство Одесскихъ бонъ, придающее имъ денежный характеръ, окажется, что дача боны удовлетворяетъ самому взыскательному понятію о страхованіи. Этимъ можетъ быть и объясняется, почему въ Одесскихъ полисахъ, въ которыхъ печатнымъ пунктомъ требуется платежъ преміи при выдачѣ полиса, не дѣлаютъ никакой письменной оговорки объ отмѣнѣ того пункта, когда на премію дается бона. Случается впрочемъ, что страховщикъ, принявъ бону, въ послѣдствіи по возникшему у него съ страхователемъ спору, отзывается, что страховка за неплатежемъ преміи, должна быть признана недѣйствительною. Одесскій купецъ вступилъ въ переговоры съ страховою компаніею о застраховании четырехъ грузовъ. Не рѣшивъ окончательно на счетъ количества преміи, управляющій дѣлами компаніи послалъ къ купцу полисъ и бону, съ означеніемъ въ обоихъ актахъ преміи, на которую не совсѣмъ согласенъ былъ страхователь. Онъ однакожь удержалъ полисъ, подписалъ бону съ оговоркою, что въ случаѣ благополучнаго прибытія грузовъ $\frac{10}{20}$ должно быть вычтено изъ суммы преміи и затѣмъ препроводилъ бону въ контору компаніи. Управляющій дѣлами увѣдомилъ купца, что съ такимъ условіемъ страховка не можетъ состояться, а купецъ отвѣчалъ, что иначе онъ не можетъ на нее согласиться. Полисъ остался у купца, компанія же удержала бону. Вскорѣ послѣ того одинъ изъ грузовъ погибъ близъ Антверпена и тогда купецъ сталъ требовать вознагражденія за убытокъ, но компанія отозвалась, что не обязана платить, такъ-какъ страхованіе вовсе не состоялось. Она ссылалась на бывшее между ею и купцомъ разногласіе на счетъ величины преміи, несовмѣстное съ совершеніемъ договора и на отсутствіе платежа преміи, тогда-какъ условія полиса и законы относятъ сей

платежъ сполна или съ разсрочкою какой-либо части къ моменту совершенія договора. Но тѣмъ не менѣе компанія принуждена была заплатить купцу страховую сумму за погибшій грузъ: страхованіе не признано несостоявшимся потому только, что не была заплачена премія и что страхователь оговоркою на бонѣ протестовалъ противъ назначенной въ полисѣ преміи, компанія же отказала въ сбавкѣ, которую купецъ въ послѣдствіи объявилъ условіемъ страхованія. Дѣйствительно воспослѣдовавшимъ со стороны купца принятіемъ полиса совершилось страхованіе на условіяхъ полиса; принятіе же въ настоящемъ случаѣ заключалось въ удержаніи полиса по разсмотрѣніи его содержанія. Но будучи совершенъ, договоръ уже не могъ разрушиться отъ односторонняго отреченія купца: только по взаимному соглашенію контрагентовъ договоръ могъ бы прекратиться, а соглашенія не было. Если же страхованіе должно считаться состоявшимся, то дѣйствительно и основанное на взаимномъ согласіи контрагентовъ условіе объ отсрочкѣ платежа преміи: оно было въ началѣ словесное, а потомъ выразилось въ произведенномъ страховщикомъ изготовленіи боны, подписанной купцомъ. Приписка на бонѣ о пониженіи преміи не имѣетъ никакого значенія въ настоящемъ дѣлѣ: не бона опредѣляетъ величину преміи, а полисъ. Бона ничто иное, какъ обязательство заплатить извѣстную сумму денегъ. Вслѣдствіе приписки бона купца становится обязательствомъ не на всю страховую премію, а на сумму полупроцентомъ меньшую, но само собою разумѣется, что обязательство уплатить и этотъ полупроцентъ существуетъ для страхователя, точно также какъ существовало бы обязательство внести страховую премію сполна, хотябы и вовсе не было боны, если только существуетъ договоръ о страхованіи. Такимъ образомъ страховая компанія имѣетъ право на всю премію, значащуюся въ полисѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязана удовлетворить купца за понесенный имъ ущербъ.

Трудно опредѣлить законъ, которому слѣдуетъ величина преміи. Премія есть цѣна риска, но рискъ не поддается подъ сколько нибудь точную оцѣнку: можно только сказать, что онъ менѣе цѣненъ, чѣмъ подлежащая ему вещь, но этимъ не опредѣляется величина преміи. Въ Одессѣ установилось страхованіе въ то время, когда оно во многихъ другихъ мѣстахъ уже было учрежденіемъ вѣковымъ и страховщики уже назначали премій не ощупью, а руководствуясь обычаемъ, основаннымъ на указаніяхъ опыта: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выяснились же экономическія условія страхованія по крайней мѣрѣ на столько, что для занимавшихся имъ людей сдѣлалось возможнымъ назначать выгодныя преміи; а соперничество страховщиковъ должно было противодѣйствовать чрезмѣр-

ности выгодъ отъ величины премій. Такимъ образомъ ко времени открытія страхованій въ Одессѣ образовалась уже, такъ сказать, различная цѣна имъ, которую только нужно было перенести туда и согласить съ нѣкоторыми мѣстными условіями.

Величина преміи мѣняется въ Одессѣ по соображенію мѣста, въ которое назначается страхуемый въ Одессѣ предметъ и изъ котораго онъ отправляется въ Одессу. Относительно меньшая премія взимается за плаваніе между Одессою и Константинополемъ, за тѣмъ слѣдуетъ путь между нею и Греціею да Іоническими островами, далѣе между Одессою и Мальтою, Неаполемъ, Сициліею; нѣсколько болѣе премія между Одесскимъ портомъ и другими мѣстами Средиземнаго Моря (за исключеніемъ Алжиріи) или мѣстами Адріатическаго Моря, ее же превышаетъ премія между Одессою и Великобританіею, а еще болѣе премія между Одессою и Алжиріею; самая большая премія изъ Одессы въ Азовское Море, къ Дунайскимъ Гирламъ и обратно.

Величина преміи мѣняется по времени года и самыя значительныя преміи приходятся на зимнее время, на Ноябрь и Декабрь мѣсяцы одного года и Январь мѣсяцъ слѣдующаго года, но увеличеніе идетъ постепенно полумѣсячными сроками, начиная со второй половины Августа. Равнымъ образомъ понижаются преміи постепенно до Іюля.

Приблизительное означеніе премій составляется обыкновенно въ Одесскихъ страховыхъ конторахъ два раза въ годъ, въ Январѣ и Августѣ. Въ бывшемъ у меня подъ рукою росписаніи показано отъ 6 до $4\frac{1}{2}$ % преміи изъ Одессы въ Азовское Море, съ Ноября по Февраль, отъ 2 % до 1 % за путь въ Константинополь, съ 16 по 31 Августа. Въ Англію наибольшая зимняя премія составляетъ отъ $5\frac{1}{2}$ до 4 %. Замѣчательно, что сообразно съ этимъ страховка изъ Одессы въ Лодонъ обходится дешевле, чѣмъ въ Бердянскъ.

Кромѣ означенныхъ перемѣнъ происходятъ еще измѣненія въ преміи по соображенію прочности судна и національности шкипера. Такъ за судно съ Австрійскимъ шкиперомъ платится менѣе преміи, нежели за то же судно съ русскимъ либо французскимъ шкиперомъ.

По общему закону споры, возникающіе между контрагентами страхованія, разбираются третейскимъ судомъ. Разумѣется, что такъ бываетъ и въ Одессѣ. Третейскій судъ тамъ устраивается при посредствѣ Коммерческаго Суда, въ который первоначально поступаетъ страховой искъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что ужь если между страхователемъ и страховщикомъ доходитъ до судебнаго разбирательства, то дѣло рѣдко кончается третейскимъ судомъ, а поступаетъ на рѣшеніе высшихъ судебныхъ мѣстъ, если не путемъ

апелляціи, то посредствомъ жалобъ. Бываетъ, что одна изъ спорящихъ сторонъ уклоняется отъ примирительнаго разбирательства и предпочитаетъ ему разсмотрѣніе дѣла въ Коммерческомъ Судѣ. Такъ былъ случай, что компанія страхованія отказывала въ удовлетвореніи судохозяину на томъ основаніи, что страхованіе признавала несостоявшимся. Она протестовала противъ учрежденія третейскаго суда, утверждая, что онъ узаконенъ для споровъ по страхованію, по такимъ слѣдовательно спорамъ, которыми не отрицается самое существованіе договора, тогда-какъ въ настоящемъ дѣлѣ вся сила спора именно заключается въ вопросѣ о существованіи страхованія. Тѣмъ не менѣе однакожь дѣло было подвергнуто третейскому суду, который призналъ договоръ состоявшимся и страховщика принудилъ произвести удовлетвореніе. Но впрочемъ обязательность третейскаго суда не выходитъ изъ области столкновеній, возникающихъ между страхователемъ и страховщикомъ. Другія же претензіи, порождаемыя страхованіемъ, не подлежатъ узаконенному третейскому суду. Такъ произошелъ слѣдующій споръ. Страховщикъ опорочивалъ разсчетъ общей аваріи, по которому ему приходилось вознаградить страхователя, и потому отказывалъ въ полномъ удовлетвореніи. третейскій судъ обвинилъ страховщика, но предоставилъ ему вѣдаться надлежащимъ судомъ съ диспашеромъ, составлявшимъ означенный разсчетъ. Страховщикъ дѣйствительно объявилъ претензію на диспашера и она была разсмотрѣна уже не третейскимъ судомъ.

III. Перехожу къ произведеннымъ мною въ Одессѣ розысканіямъ о движеніи переводныхъ векселей. Не могу похвалиться обильною жатвою. Я успѣлъ разсмотрѣть только нѣкоторые изъ юридическихъ моментовъ, которые представляютъ переводные векселя. Прежде всего замѣчу, что они употребительны въ Одессѣ почти исключительно во внѣшней торговлѣ, во внутренней же въ ходу простые векселя, какъ вездѣ въ нашемъ отечествѣ. Причина, полагаю, та, что главнѣйшія статьи отпуска получаются въ Одессѣ отъ производителей, не принадлежащихъ къ торговому сословію, привозимые же изъ-за границы товары, не потребляемые на мѣстѣ, доставляются въ нѣкоторые южные города, въ Кіевъ, Харьковъ, Полтаву, Николаевъ, Екатеринославъ и въ др., города же эти отправляютъ самую малость товаровъ въ Одессу, гдѣ поэтому торговцы городовъ тѣхъ имѣютъ много кредиторовъ, не имѣя тамъ должниковъ. Употребленіе же переводныхъ векселей предполагаетъ нѣкоторое равновѣсіе между долгами и полученіями двухъ торговыхъ мѣстъ, въ особенности если оба или одно изъ нихъ не находится въ значительныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ другими торговыми пунктами. Въ Одессѣ было бы конечно очень трудно пустить

въ ходъ тратту на Кіевъ или Черниговъ, а должнику Кіевскому или Черниговскому не приходится трассировать на Одессу въ пользу тамошняго кредитора, ибо для этого бы требовалось, чтобы трассантъ распоряжалъ фондами въ Одессѣ, чего нельзя предположить при незначительности или даже ничтожности отпуска товаровъ изъ Кіева, Чернигова въ Одессу. Равнымъ образомъ не представляется должнику возможность пріобрѣсть римессу для кредитора своего, ибо въ мѣстѣ его жительства нѣтъ надлежащихъ банкирскихъ оборотовъ, нѣтъ торговли векселями. Но само собою разумѣется, что удобомыслимы отдѣльные случаи, въ которыхъ возможно употребить переводный вексель, хотя обыкновенно представляются препятствія его движенію. Такъ напр. бываетъ, что Одесскіе купцы состоятъ должными Харьковскимъ за шерсть, а Харьковскіе Одесскимъ за мануфактурныя издѣлья: тутъ Харьковскій должникъ безъ сомнѣнія можетъ трассировать на своего Одесскаго должника и ремиттентомъ назначить своего Одесскаго заимодавца. Но ужь если въ торговыхъ сношеніяхъ не принято пользоватья переводными векселями, какъ орудіями кредита, то можно сказать на-вѣрное, что для отдѣльныхъ удобныхъ случаевъ не будетъ сдѣлано исключеніе тѣмъ болѣе, что въ извѣстной мѣрѣ простые векселя могутъ служить замѣною переводнымъ. Если Одесскій должникъ далъ простой вексель Харьковскому кредитору, онъ можетъ передать его своему Одесскому кредитору, который и предъявитъ его къ платежу. Въ самой Одессѣ простые векселя обращаются съ большою легкостью и тамъ въ ходу нѣкоторые пріемы, переносящіе на простые векселя усвоенный въ торговомъ мірѣ переводными векселями денежный характеръ. Такъ пишется простой вексель и векселеприниматель дѣлаетъ безоборотную надпись: въ такомъ видѣ вексель оказывается въ рукахъ векселедателя и отъ него уже переходитъ къ другому лицу, или вексель пишется отъ имени близкаго векселепринимателю лица, которое по неполученію вовсе валюты, ограждается отъ отвѣтственности по векселю особою платежною роспискою векселепринимателя, вексель же пускается имъ въ оборотъ съ бланковою надписью; или наконецъ вексель пишется отъ имени какого-либо лица на чье-нибудь имя, векселеприниматель даетъ векселедателю платежную росписку и самъ передастъ вексель съ безоборотною надписью и затѣмъ уже вексель поступаетъ въ оборотъ[1]). Слышалъ я также, что пишутся векселя,

---

[1]) Впрочемъ по закону платежная росписка оправдываетъ векселедателя только предъ судомъ (срав. ст. 1847. св. уст. и учр. торг.), а не предъ мѣстомъ, производящимъ по векселю взысканіе; ст. 546 того же свода.

въ которыхъ одно и тоже лицо является векселедателемъ и векселедержателемъ и при посредствѣ надписи передаточной пускаются въ обращеніе; но находятъ, что въ такомъ случаѣ надпись не должна быть бланковая, основываясь на томъ, что всякое обязательство необходимо предполагаетъ участіе двухъ лицъ: обязывающаго и обязаннаго, что вексель, будучи письменнымъ актомъ обязательства, долженъ содержать указаніе участниковъ обязательства, что въ обыкновенныхъ случаяхъ ими бываютъ векселедатель и векселеприниматель какъ разныя лица, что при тождествѣ же сихъ двухъ лицъ необходимо еще участіе лица, которому передается вексель, какъ второго дѣйствующаго въ обязательствѣ лица, и что потому существенно его обозначеніе въ векселѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что существо обязательства, требующее безъ всякаго сомнѣнія, чтобъ было болѣе одного участника, не требуетъ непремѣнно обозначенія въ письменномъ актѣ другого участника, а только указанія на его существованіе, бланковая же надпись на векселѣ есть такое указаніе, какъ-скоро онъ вышелъ изъ рукъ векселедателя. Особое ея дѣйствіе будетъ состоять только въ томъ, что всякій законный держатель векселя можетъ быть признанъ за участника обязательства, ибо пробѣлъ бланковой надписи можетъ считаться выполненнымъ формулою о передачѣ именно сему держателю, тогда-какъ вексель съ полною передаточною надписью составлялъ бы обязательство между векселедателемъ (и векселедержателемъ) и предъявителемъ векселя только въ такомъ случаѣ, если передача векселя значится въ надписи произведенною именно предъявителю; одна надпись безъ дѣйствительнаго бытія векселя изъ рукъ векселедателя также не составляетъ обязательства. Настоящее практическое значеніе свое проявляетъ бланковая надпись совершенно въ другомъ отношеніи и, по моему мнѣнію, оно нисколько не обусловливается различіемъ между векселями, въ которыхъ датель и приниматель одно лицо и тѣми, въ которыхъ они разныя лица. Значеніе бланковой надписи относится къ риску надписателя и лица, принявшаго вексель по такой надписи: надписателя — въ томъ смыслѣ, что она не ограждаетъ отъ обращенія на него векселя, хотя-бы онъ и былъ переданъ собственно безоборотно; къ риску лица, принявшаго вексель, такъ-какъ можетъ случиться, что оно присуждено будетъ доказать, что вексель переданъ именно ему, а не другому лицу, между-тѣмъ какъ полная надпись совершенно устраняетъ необходимость такого доказательства. Но очевидно, что сопряженные съ бланковою надписью риски представляются одинаковыми при всевозможныхъ векселяхъ съ тождественными и нетождественными дателемъ и пріобрѣтателемъ, а потому нѣтъ и надобности никакой требовать для движенія послѣдняго рода

векселей полныхъ надписей, тѣмъ болѣе что и законъ (ст. 456 св. уст. и учр. торг.) не указываетъ никакихъ отраниченій для бланковъ.

Отсюда видно, что возможность передачи векселя составляетъ существенное условіе его движенія и обращенія, придающаго векселю значеніе денегъ. Но конечно одна возможность передачи не въ состояніи содѣлать вексель эквивалентомъ цѣнностей въ торговомъ мірѣ: требуется еще готовность воспользоваться этой возможностью, вызываемая лишь вѣрою въ состоятельность лицъ, обязанныхъ по передаваемому векселю, и поощряемая строгостью ихъ отвѣтственности. Кто принимаетъ вексель, тотъ разсчитываетъ на платежъ со стороны надписателя или векселедателя, которыхъ онъ считаетъ въ силахъ заплатить; онъ руководствуется слѣдовательно соображеніемъ, относящимся именно къ личности вексельныхъ отвѣтчиковъ, и поэтому замѣна одного изъ нихъ другимъ стороннимъ лицомъ, произведенная по-мимо тѣхъ лицъ, которымъ можетъ принадлежать право на удовлетвореніе по векселю, была бы противна существу передачи и вмѣстѣ съ тѣмъ движенія векселя. Правда могло бы казаться, что легкость его обращенія и пригодность служить орудіемъ для торговыхъ оборотовъ должны бы были еще усилиться, если-бы онъ не только могъ быть употребляемъ хозяиномъ на пріобрѣтеніе товара либо денегъ, на платежъ долга, но и стороннее лицо могло бы пріобрѣсти цѣнность или уплатить долгъ, заступая мѣсто лица, обязаннаго по векселю, въ особенности векселедателя, такъ-какъ ему непремѣнно рано или поздно пришлось бы произвести удовлетвореніе по векселю. Но усиленіе оборотовъ было бы только кажущимся, а въ сущности былъ бы несомнѣнный подрывъ того обращенія векселя, которое основано на передачѣ. Въ Одессѣ я впрочемъ встрѣтился съ воззрѣніемъ, допускающимъ подставку векселедателей, и потому я касаюсь его. Вексель былъ представленъ ко взысканію съ векселедателя, который отозвался, что не считаетъ себя обязаннымъ платить, такъ-какъ зять его, принимая жены своей приданое, обязался заплатить по векселю сумму, равную взыскиваемому долгу. Взысканіе обратилось на зятя, и какъ денегъ у него не оказалось, то было отобрано движимое его имущество и назначено къ публичной продажѣ: онъ обратился къ защитѣ суда и добился пріостановленія продажи, для которой уже были сдѣланы всѣ приготовленія, и судъ въ послѣдствіи освободилъ зятя отъ всякой отвѣтственности по векселю, принимая конечно въ соображеніе: 1) что векселедатель не доказалъ заявленія, будто вексель, по которому зять обязался быть плательщикомъ, есть именно представленный ко взысканію, тогда-какъ слѣдовало это доказать и слѣдовало именно

векселедателю, какъ уклонявшемуся этимъ заявленіемъ отъ платежа; 2) что одно равенство суммъ по обязательству зятя и по векселю тестя не составляетъ доказательства; 3) что обязательство заступить мѣсто лица, обязаннаго по векселю, не имѣетъ никакого дѣйствія въ отношеніи къ лицу, которое въ правѣ требовать платежа, если оно не изъявило согласія на заступленіе; 4) что взысканіе не могло быть обращено на зятя, если самъ заимодавецъ не просилъ о взысканіи съ него, а просилъ именно о взысканіи съ тестя.

Если впрочемъ движеніе векселя допускаетъ только сдѣлки со стороны векселепріобрѣтателя, то самыя сдѣлки могутъ заключаться не въ одномъ отчужденіи векселя посредствомъ передачи. Такъ въ Одессѣ случается залогъ векселей. Подобно залогу другихъ обязательствъ, напр. обязательствъ по принятымъ кредитными установленіями вкладамъ, онъ составляетъ иногда условную передачу, на случай просрочки въ удовлетвореніи по обезпеченному обязательству. Но въ такомъ случаѣ требуется, чтобы вексель былъ переданъ при самомъ установленіи залога, иначе право на платежъ по заложенному векселю не будетъ прямымъ послѣдствіемъ неисправности залогодателя, ибо съ своей стороны лицо, обязанное по векселю, въ правѣ будетъ отказать въ платежѣ залогопринимателю, котораго право на удовлетвореніе не явствуетъ изъ надлежащей передаточной надписи. Нельзя сказать, что при залогѣ векселей безъ надписи, залогопринимателю принадлежитъ безусловное право ея требовать, ибо существо залога векселя не состоитъ непремѣнно въ предоставленіи залогопринимателю удовлетворенія по обезпечивающему векселю, а можетъ заключаться также въ одномъ правѣ удержанія его, пока не будетъ произведено удовлетвореніе по обезпеченному обязательству. Врученіе же векселя залогопринимателю безъ передаточной надписи именно заставляетъ допустить, что залогъ въ данномъ случаѣ не долженъ быть передачею векселя и потому не долженъ порождать право на надпись. Залогъ векселя тутъ имѣетъ слѣдовательно такое же значеніе какъ напр. встрѣчающееся въ юридическомъ быту обезпеченіе долга на недвижимое имущество должника купчею крѣпостью либо другимъ актомъ. Залогопринимателю не предоставляется право извлечь изъ акта всѣ тѣ же выгоды, которыя онъ можетъ доставить хозяину, и нѣтъ на то даже возможности; самъ по себѣ актъ совершенно безполезенъ залогопринимателю, но въ томъ актѣ нуждается залогодатель, онъ его непремѣнно выкупитъ и въ этомъ-то обстоятельствѣ содержится обезпечительная сила залога; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожь онъ допускаетъ взысканіе по обезпеченному имъ обязательству на основаніи

правилъ, установленныхъ для обязательствъ, которыя не обезпечены залогомъ, т. е. предметомъ, подлежащимъ публичной продажѣ для удовлетворенія залогопринимателя при неисправности залогодателя. Безъ особеннаго условія контрагентовъ нѣтъ возможности допустить, что залогъ векселя составляетъ аналогію залога движимаго имущества, что въ случаѣ неисправности залогодателя должно произвести при посредствѣ надлежащаго присутственнаго мѣста публичное отчужденіе векселя, которое, не будучи продажею, несовмѣстною съ существомъ его, заключалось бы прежде всего въ передачѣ векселя по надписи тому, кто наибольшую внесъ бы за него сумму, и что изъ суммы этой должно быть сдѣлано удовлетвореніе залогопринимателю. Ближайшая аналогія для залога векселей — это такъ называемыя ссуды подъ учетъ векселей, производимыя Коммерческимъ Банкомъ и его конторами, ибо тутъ представляются всѣ тѣ же юридическія отношенія, которыя встрѣчаемъ при частномъ залогѣ векселя: хозяинъ его вступаетъ въ обязательство, которое обезпечиваетъ правомъ своимъ на удовлетвореніе по векселю, съ тою только разницею, что залогоприниматель не частное лицо, а Государство, но разность въ лицахъ не затрогиваетъ учрежденій Гражданскаго Права. Но эти ссуды подъ учетъ векселей требуютъ, чтобъ закладчикъ передалъ вексель по надписи залогопринимателю—Банку, который, если не воспослѣдуетъ выкупъ векселя, производитъ по немъ взысканіе. Законодательство не препятствуетъ распространить и на частные векселя его взглядъ на залогъ векселей Коммерческому Банку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прямая воля контрагентовъ не устраняетъ примѣненія сего взгляда, и потому нѣтъ мѣста дальнѣйшей аналогіи заклада движимостей, въ силу которой существо векселя должно быть представляемо не въ правѣ на полученіе извѣстной суммы, а въ правѣ собственности на вексельный листокъ и должна быть допущена публичная передача векселя, не удобомыслимая иначе, какъ въ связи со множествомъ затрудненій и даже несообразностей, кажущаяся дикою понятіямъ людей причастныхъ къ вексельнымъ оборотамъ и въ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчающаяся.

При ссудахъ подъ учетъ векселей передаточная надпись производится безусловно, а закладчикъ выкупаетъ вексель непосредственно на основаніи закона (статьи 721. 722. 889. учр. уст. Госуд. Кред. Устан.), безъ всякой ссылки на отношенія, порожденныя ссудою. Но когда вексель переданъ по надписи частному лицу, основаніе для выкупа заключается прежде всего въ условности этой передачи, въ назначеніи векселя служить сперва только обезпеченіемъ для залогопринимателя, и потому необходимо какое-либо указаніе на принадлежащее закладчику право выкупа, тѣмъ болѣе

что надпись для передачи безусловной и условной одинаковая и слѣдовательно отчужденіе векселя можетъ быть смѣшано съ залогомъ. Въ особенности же важно это указаніе на ограниченное значеніе передачи, когда обезпечиваемое обязательство также вексельное: иначе залогоприниматель поставляется въ возможность совмѣстно требовать платежа и по обезпечивающему векселю и по обезпечиваемому. Въ Одессѣ представился мнѣ относящійся сюда слѣдующій случай. По векселю были взяты деньги подъ залогъ векселей же, снабженныхъ надписью, и, по наступленіи имъ срока, залогопринимателю произведенъ платежъ. Закладчикъ узнавъ о томъ, не считалъ уже нужнымъ заплатить по данному имъ самимъ векселю и вскорѣ послѣ того умеръ. Дѣла его оказались разстроенными и учрежденъ былъ по нимъ конкурсъ. У залогопринимателя кромѣ вексельной претензіи была на закладчикѣ еще другая не малозначительная: опасаясь, что Конкурсное Управленіе не признаетъ ея подлежащею удовлетворенію на-равнѣ съ векселями, онъ умолчалъ о ней, къ удовлетворенію же представилъ вексель, по которому залогъ доставилъ платежъ. При отсутствіи доказательствъ, тѣсная связь между этимъ документомъ и векселями, переведенными на векселедержателя въ обезпеченіе, осталась нераскрытою, и онъ успѣлъ попасть въ число вексельныхъ кредиторовъ.—Выкупы по ссудамъ, производимымъ Конторою Коммерческаго Банка подъ учетъ векселей, встрѣчаются въ Одессѣ весьма рѣдко: количество ссуды въ такой степени соразмѣрно цѣнности закладываемаго векселя, что нѣтъ для залогодателя интереса хлопотать о выкупѣ, а конторѣ все равно, отъ кого ни получить удовлетвореніе, такъ-что ей нѣтъ интереса употреблять мѣры, могущія побудить къ выкупу. Если принять еще въ соображеніе, что самая ссуда производится безъ всякаго акта, то окажется весьма понятнымъ, почему въ операціи конторы совершенно теряется характеръ займа, обезпечиваемаго залогомъ, а выступаетъ вексельный учетъ, т. е. досрочное удовлетвореніе векселепріобрѣтателя, соединенное съ передачею векселя, и принимается въ разсчетъ отвѣтственность сего лица не въ качествѣ должника по займу, а надписателя по векселю. Прибѣгающіе къ учету конторы по большой части вовсе не знаютъ, что вступаютъ въ договоръ займа, который обезпечиваютъ учитываемымъ векселемъ, какъ залогомъ. Дѣйствуя съ надлежащею осторожностью и распоряжая сильною властью на случай неисправности лица, обязаннаго произвести платежъ по учитанному векселю, Контора производитъ ссуды весьма успѣшно и рѣдко страдаетъ отъ неисправности плательщика. Всѣ дошедшіе въ Одессѣ до моего свѣдѣнія случаи платежа за честь относились именно къ векселямъ, пріобрѣтеннымъ тамошнею Кон-

торою Коммерческаго Банка. Потери, можно сказать, угрожаютъ ей только въ такомъ случаѣ, если *всѣ* лица, могущія подлежать какимъ-бы то ни было образомъ отвѣтственности по векселю, окажутся несостоятельными. Одесскій купецъ, временно управляя дѣлами другого, бывшаго въ отлучкѣ, принялъ до срока платежъ по векселю, но самаго векселя не возвратилъ векселедателю, а объявилъ, что вексель у довѣрителя, далъ впрочемъ платежную росписку и обязался доставить самый вексель. Между-тѣмъ векселедержатель представилъ вексель для учета въ Контору Коммерческаго Банка. При наступленіи срока она обратилась за удовлетвореніемъ къ векселедателю, который предъявилъ квитанцію въ платежѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя несостоятельнымъ, подобно векселедержателю. Контора распространила отвѣтственность и на купца, принявшаго платежъ, находя, что учетъ не случился бы, если-бы вексель не былъ оставленъ въ рукахъ векселедержателя. Но будь на мѣстѣ конторы частное лицо, оно не могло бы изъявить претензію противъ купца: онъ бы подлежалъ отвѣтственности предъ однимъ векселедателемъ за всѣ убытки, отъ вины въ удержаніи векселя происшедшіе.

Будучи мѣстомъ обращенія переводныхъ векселей, Одесса представляетъ и всѣ тѣ учрежденія, которыми законодательство имѣло въ виду содѣйствовать ихъ движенію. Такъ напр. составленіе переводныхъ векселей въ двухъ и болѣе образцахъ употребительно въ Одессѣ, равнымъ образомъ изготовленіе копіи сверхъ подлинника. Можно сказать, что въ Одессѣ, имѣющей сношенія по переводнымъ векселямъ преимущественно съ отдаленными заграничными мѣстами, подлежащими другимъ почтовымъ управленіямъ, другимъ судебнымъ вѣдомствамъ, въ особенности ощутительны тѣ потребности, которымъ удовлетворяетъ составленіе переводнаго векселя въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ самомъ дѣлѣ при пересылкѣ тратты въ иностранное государство и при переходѣ ея изъ рукъ въ руки, тамъ легко можетъ возникнуть опасеніе, что она затеряется или что замедлится доставленіе по адресу. Между тѣмъ важно для векселедателя и векселепріобрѣтателя увѣриться по возможности скоро въ акцептѣ тратты. Отправленіе особеннаго экземпляра векселя на мѣсто жительства акцептанта въ этомъ случаѣ мѣра весьма полезная. Въ самой Одессѣ, сколько я могъ замѣтить, не даютъ значенія различію между образцами одного и того же векселя и копіями съ подлиннаго векселя: какъ дупликатъ (второй образецъ) или трипликатъ (третій), такъ и первая и вторая копія съ векселя служатъ совершенно одинаково вексельнымъ оборотамъ. Отсюда проистекаетъ возможность прилагать названіе копіи безразлично ко всякому воспроизведенію векселя, какъ дѣйствительно тамъ и дѣ-

лается. Замѣчательно встрѣчающееся въ Одессѣ употребленіе копій безъ подлиннаго векселя. Какъ уже сказано, Одесскія тратты по большой части подлежатъ платежу за границею. Но тамъ не существуетъ условія, чтобъ вексель былъ писанъ на гербовой бумагѣ, и онъ не признается недѣйствительнымъ какъ по нашимъ законамъ, требующимъ, чтобъ векселя писались на гербовой бумагѣ соразмѣрнаго вексельной суммѣ достоинства. Имѣя въ виду, что меньшая часть векселей, трассируемыхъ въ Одессѣ, возвращается туда по отказу въ принятіи либо въ платежѣ, и что въ случаѣ возврата векселедатель не уклоняется отъ платежа, негоціанты принимаютъ векселя, писанные на бумагѣ 15 копѣечнаго достоинства, назначенной для копій съ векселей, тратты слывутъ за копіи и въ видѣ таковыхъ представляются даже иногда къ протесту и взысканію, подъ предлогомъ, что небывалые подлинники затеряны или не возвращены въ Одессу. Такимъ образомъ сберегается расходъ на вексельную бумагу, нерѣдко весьма значительный. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ экономія эта бываетъ разорительна. Нотаріусъ въ-правѣ отказать въ протестѣ, трассантъ въ-правѣ требовать предъявленія подлиннаго векселя, безъ протеста же гибнетъ вексельное право векселедержателя, а если ему невозможно исполнить требованіе векселедателя, то приходится искать на немъ удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Одесскій купецъ трассировалъ вексель въ копіи на Лондонъ: акцептъ воспослѣдовалъ, но къ наступленію срока платежа трассатъ, которому должно было платить въ счетъ векселедателя, усомнился въ его состоятельности и отказалъ въ удовлетвореніи: вексель пошелъ обратно въ Одессу, но тамъ векселедатель уклонился отъ платежа, ссылаясь на недостаточность предъявленія копіи. Ходъ взысканія дѣйствительно пріостановился, не смотря на значившійся на копіи акцептъ и не смотря на протестъ въ неплатежѣ, произведенный надлежащимъ образомъ въ Лондонѣ. Векселедатель обратился къ судебному разбирательству, но я не думаю, что судебное мѣсто признаетъ дѣйствительность вексельной претензіи. Руководствуясь уставомъ о векселяхъ, оно не придастъ значенія векселя акту, корый самъ себя выдаетъ за копію съ векселя, заявленіе же истца о потерѣ подлинника оно уважитъ лишь при представленіи доказательствъ, въ настоящемъ случаѣ невозможныхъ; но если раскроется существованіе долгового обязательства со стороны отвѣтчика въ отношеніи къ истцу, то судъ можетъ признать обязательство подлежащимъ удовлетворенію независимо отъ вексельнаго права.

Уставъ о векселяхъ содержитъ узаконенія какъ о векселяхъ простыхъ, такъ и о переводныхъ и есть много статей, которыя не упоминаютъ, къ какимъ именно векселямъ онѣ примѣняются, между-

тѣмъ какъ изъ содержанія ихъ явствуетъ пространство дѣйствія, именно относятся-ли заключающіяся въ нихъ опредѣленія ко всѣмъ векселямъ безъ различія, или къ одному только роду. Если имѣется въ виду, что векселедатель не есть ближайшій плательщикъ векселедержателя, то, значитъ, идетъ рѣчь о векселѣ переводномъ: это несомнѣнно. Я замѣтилъ однакожь въ Одессѣ готовность примѣнять всѣ статьи Устава безразлично ко всякому векселю безъ соображенія его содержанія и допускать только упомянутыя самимъ закономъ ограниченія. Въ этомъ отношеніи рѣзкимъ примѣромъ представлялось мнѣ приложеніе ст. 512. Уст., по которой векселедержатель упущеніемъ протеста теряетъ право иска на томъ, отъ кого вексель къ векселедержателю дошелъ и на предшествовавшихъ надписателяхъ и самомъ векселедателѣ, когда плательщикъ придетъ въ несостоятельность и когда векселедатель докажетъ, что плательщикъ на срокъ векселя имѣлъ въ распоряженіи капиталы или товары векселедателя или былъ ему долженъ не менѣе той суммы, на которую данъ вексель. Очевидно, что въ этой статьѣ и векселедатель и плательщикъ принимаются за разныя лица и векселедатель не ближайшее лицо, отвѣтственное платежемъ предъ векселедателемъ. Значитъ, здѣсь опредѣляются отношенія по переводному векселю, хотя по отсутствію надобности и не упоминается о немъ. Тѣмъ не менѣе допускаютъ нерѣдко въ Одессѣ, что лицо, давшее простой вексель, свободно отъ отвѣтственности, когда упущенъ протестъ въ платежѣ, и ссылаются при семъ на ст. 512 Устава о векселяхъ.

---